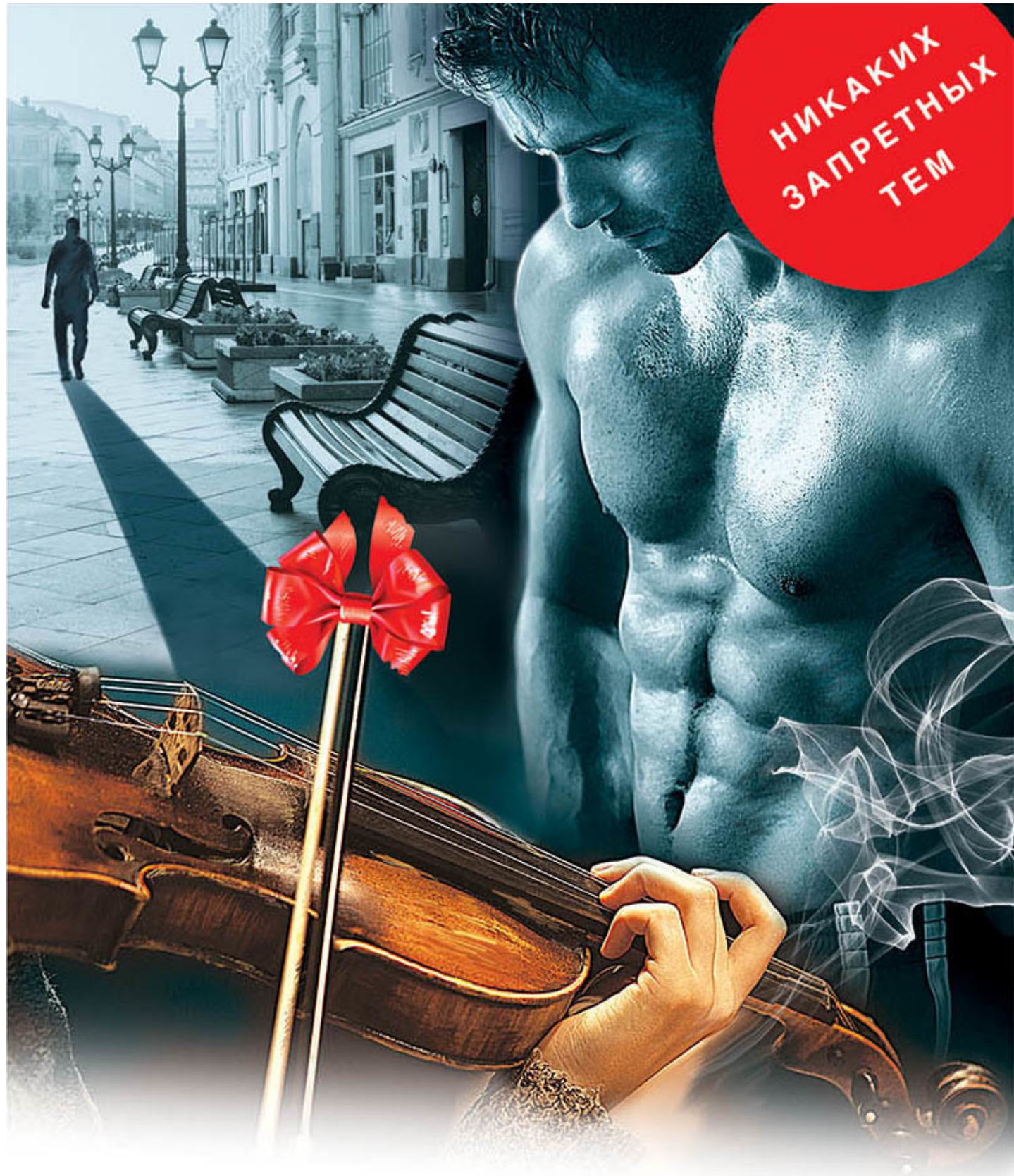

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ъ Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ТО ЛИ **АНГЕЛ**, ТО ЛИ БЕС

Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
То ли ангел, то ли бес

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

То ли ангел, то ли бес / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2019 — (Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-100296-1

Он носил прозвище Аллигатор и соответствовал ему – опасный, уродливый. Боец смешанных единоборств, чье лицо покрывают татуировки. Встретишь такого на улице – отшатнешься... Когда-то он носил имя Андрей. Имел родителей, сестру, но... Не мог быть обычным. Все дети как дети, а он исчадие ада... но мальчик вырос и стал спортсменом. Быть может, потому, что ребенком отбился от семьи и вырос среди бомжей. Нашел для себя подходящую среду обитания? О матери Андрей не забывал, потому что ненавидел. И спустя двадцать пять лет нагрянул к ней на юбилей. В тот же вечер она пропала! В том же месте, где он сам когда-то...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100296-1

© Володарская О. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 3	30
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Володарская

То ли ангел, то ли бес

© Володарская О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

Она летела пару секунд...

Нет, не как птица.

Пожалуй, уместнее было бы сравнить ее с камнем. Который падает вниз.

И вот секунды истекли, и Валентина грохнулась на бетон. Тщетно пытаясь за что-нибудь зацепиться, в полете она перевернулась и приземлилась на спину.

Когда это произошло, она услышала хруст. Потом тело разорвала боль. И не только в тех местах, где хрустнуло. Сердце... Оно так зашлось, что Валентине подумалось – она умирает. Она приготовилась лететь по длинному коридору к свету, но нет... Сердце не остановилось. И не выскочило из грудной клетки, хотя казалось, вот-вот пробьет ее. Валя даже не сразу потеряла сознание. Какое-то время она лежала в луже, образовавшейся из-за протечки трубы, и ясно видела, как тот, кто столкнул ее в канализационный колодец, закрывает люк...

Так задвигают крышку гроба.

Часть первая

Глава 1

До того, как...

Он стоял перед зеркалом в туалете и рассматривал свои боевые раны. На скуле рассечена кожа, рот разбит, под глазом синяк, на боку обширная гематома, возможно, сломано ребро, одним словом, ерунда. Почти не пострадал.

Аллигатор пять минут назад закончил бой за звание чемпиона Евразии по смешанным единоборствам. Титул он выиграл. Это была его самая крупная победа на сегодняшний день.

В официальных боях Аллигатор участвовал не так давно – меньше года. До этого он дрался в подпольных бойцовских клубах, не имел тренера, контракта, гарантии собственной безопасности: участники нелегальных боев калечились и даже погибали. Аллигатору здорово доставалось поначалу. Желая заработать как можно больше денег, он выходил против бывалых бойцов и боролся до последнего. Ни разу не сдался. Считал, что лучше отправиться в нокаут или отключиться от нехватки кислорода при удушающем приеме, чем признать свою беспомощность.

На первый бой Аллигатор явился совершенно неподготовленным. В отличие от остальных он не занимался ни боксом, ни карате, ни самбо. Зато был закален в уличных драках и считал, что этого достаточно. Оказалось, ошибался. Выйдя против невысокого жирного дядьки со смешным хвостом на макушке, который почему-то считался фаворитом, Аллигатор рассчитывал на победу. В нем почти два метра роста, сто килограммов сплошных мышц, он молод, быстр, дерзок, он один против четверых стоял, а тут какой-то сумоист.

Каково же было его удивление, когда толстяк свалил его уже на второй минуте. Еще через тридцать секунд бой закончился. Естественно, проигрышем Аллигатора.

Это парня ничему не научило. В следующий раз он снова выбрал сильного соперника. На сей раз не жирного, а тощего. Ножки, как у Аллигатора руки, причем в запястьях. Черный пояс по карате его не смутил. Парню рекомендовали попробовать силы с таким же желторотиком, как он, но Аллигатор не собирался копошиться в песочнице. Его снова нокаутировали. Тогда он решил немного снизить планку и пойти против крепкого середнячка. Ему тоже проиграл, но не позорно.

Бои без правил тоже ведутся по определенным правилам, и Аллигатору пришлось сначала научиться им. Потом он стал изучать приемы и захваты. Прощупывать противников, а не бросаться на амбразуру, как смертник. На это ушел год. Сначала Аллигатор сокрушил всех середнячков, потом сумоиста с каратистом. Только это не вознесло его на олимп. На нем находились Зевс и Тор. Не боги, конечно, но бойцы почти всеильные. Зевс был настоящим психом. Его глаза наливались кровью, когда он выходил на бой. Именно он калечил больше всего людей. А Тор имел такой удар правой, будто в ней был зажат волшебный молот. Друг против друга их не выпускали. Они убили бы друг друга, и клуб лишился бы сразу двух звезд. Но и слабаков к ним не подпускали. Их тоже было жаль, но чисто по-человечески. Да и кто будет ставить на явного аутсайдера? А весь доход в клубе от тотализатора. Поэтому хозяева иногда мухлевали. Договаривались о проигрышах со своими звездами. Эти двое не позволили бы середнячку себя одолеть. А Аллигатор уже восходил. И многих раздражал. Особенно Зевса.

Когда Аллигатор вышел на бой с Тором, ставки были один к двадцати. Естественно, не в пользу новичка, пусть и отлично себя зарекомендовавшего. Но он выиграл бой. И впервые получил серьезные деньги. А еще травмы, но что до них? Раны затянутся, сломанные кости заживут. Да и бабки не так важны, как победа. Тем более над таким противником. Неверо-

ятно сильным и достойным. Тор расстроился, проиграв, но смог и руку пожать победителю, и поздравить его.

Не то что Зевс. Этот вышел на бой с желанием убивать. В его глазах плескалась ненависть. Боец так жаждал крови, что и макияж себе сделал соответствующий: нарисовал на скулах и щеках алые капли. Зевс орал: «Я тебя порву!» Брызгал слюной. Запрыгивал на сетку ограждения и тряс ее. В тот вечер усилили охрану в клубе. А ставили даже на то, сможет ли Аллигатор подняться самостоятельно после того, как его вырубят. Но, как ни странно, победить Зевса оказалось проще, чем Тора. В бою помогает холодная ярость, а не красная пелена перед глазами. Она затуманивает. Аллигатор знал, с каким противником имеет дело. И опасался его, естественно. Даже боялся. Но только спокойствие и трезвый расчет могли помочь ему как минимум не остаться инвалидом. Убить бы он себя не дал, это стопроцентно, но пара пропущенных ударов – и ты дурачок или неходячий до конца жизни. Когда прозвучал гонг, Зевс ринулся на врага. Он готов был рвать. Если бы Аллигатор дал волю панике, бой закончился бы на первых секундах. Но он смог удержать внутреннее спокойствие, которое так и норовило вырваться с воплем ужаса. Будет больно, очень. «Но ты терпи», – сказал он себе. Потом пропустил несколько страшных ударов. Намеренно, чтобы обмануть врага. Пусть думает, что власть у него. И когда Зевс уже торжествовал победу, нанес удар локтем (не запрещенный, сверху вниз, называемый 12–6, а боковой), в который вложил всю силу. Аллигатор знал, что, если не отправит противника хотя бы в нокдаун, проиграет. И, пожалуй, впервые должен будет сдаться. Но он победил. Бой завершился нокаутом. Огромный и страшный Зевс был повержен.

Ни ему, ни Тору так и не удалось вернуться на олимп. Аллигатор не пустил ни того ни другого. За следующий год он ни разу не проиграл. А когда владельцы клуба предложили ему поддаться и посулили за это огромную сумму, он ушел от них.

Поскольку он отлично заработал за это время, а тратил ничтожно мало, жить было на что. Несколько месяцев Аллигатор ничего не делал, просто отдыхал. Валялся на диване в своей съемной хате, смотрел фильмы, слушал музыку, ел. Ел много, потому что половину жизни голодал, а когда есть возможность лакомиться мяском, рыбкой, снеками, грех этим не пользоваться. Аллигатор чуть поправился, стал ленивым. Первое время бегал по утрам, ходил в спортзал поколотить грушу, потом перестал. Бывало, прогуливался, ходил в кино, по рынку слонялся, выискивая бабушек, продающих свои грибочки и салаты. Но когда в квартире беспроводной интернет, а круглосуточный магазин в твоём же доме на первом этаже, далеко ходить не надо. Аллигатору не было скучно или одиноко. И ничего не хотелось менять. Но деньги кончались. Они уходили на аренду жилья и еду. На все остальное – мелочовка. Аллигатор не водил ни машину, ни мотоцикл и не мечтал об этом. Одевался во что придется. Главное, чтобы было удобно, а модно это или нет, фирменное или с рынка, идет или не особо – плевать. Он не пил и не курил. В детстве и юности – да, потом бросил. На женщин тоже не тратился. Так, по мелочи. Но чтобы водить в рестораны, дарить цветы и подарки, это не к нему. Если дамы хотят с ним секса, он не против им заняться. А на свидания пусть их другие водят.

И все же деньги кончались. Значит, нужно что-то предпринимать. Но что? Опять идти драться? Да, если ничего больше не умеешь. Но он сомневался, что его возьмут назад. И Аллигатор решил потратить половину из оставшихся денег на учебу. Окончит курсы фитнес-трениров, устроится в спортзал инструктором и будет жить себе спокойненько дальше.

В интернете он нашел самые крутые курсы. Записался на собеседование (ишь ты, как все серьезно, подумал с усмешкой) и отправился в назначенный час по указанному адресу. Аллигатор не сомневался в том, что его возьмут. Он в хорошей, пусть и не отличной, форме и готов платить большие бабки. За такие они, наверное, не только учат, но и кормят, поят белковыми коктейлями и массируют после занятий. Но Аллигатору отказали. У него никаких корочек, наград, званий. Он даже не кандидат в мастера спорта. Просто здоровяк, который, как он сам говорит, умеет драться.

– Вам нужно пройти сначала курс для начинающих, – сказал ему стареющий мужичок с мешками под глазами и идеальным бицепсом. – Не у нас. Мы с желторотиками не возимся... – Опять он желторотик! Это после всех выигранных боев. – Затем поработать в простеньком зале, чтобы набраться опыта. И только потом с дипломом и рекомендациями вы записываетесь к нам. Но не на тот курс, что вы выбрали. Он для элиты.

– Давайте сюда своего самого элитного качка, я вырублю его за четыре секунды.

– Мы готовим тренеров, а не драчунов.

– В рекламе написано – тренеров для боевых дисциплин.

– Тай-бо, ки-бо, капоэйра.

– Ну!

– Это не драка, а фитнес, друг мой.

Обозвав престарелого качка элитным долбоящером, Аллигатор покинул его кабинет.

Так просто сдаваться он не собирался. Поэтому взял свой пояс абсолютного чемпиона клуба и отправился с ним напрямик в спортзал, где когда-то колотил грушу. Подошел к инструктору, спросил, не возьмут ли его на работу без всяких бумажек. Тот задумался.

– Без корок никак, – сказал наконец он. – Но их можно сделать.

– Это мне не поможет? – и показал пояс.

– Увы, нет. Клуб подпольный, я слышал о нем от нашего учредителя, чемпионством не козыришь. А погоди-ка, давай я ему позвоню. Он должен тебя знать. Может, напрямую с ним договоришься...

И снова встреча. Теперь с учредителем клуба. Этот встретил Аллигатора совсем не так, как элитный долбоящер.

– Неужели передо мной сам Аллигатор? Обалдеть! – Мужик по фамилии Кравец, тоже с мешками под глазами, но еще и с брюшком, аж со своего кожаного кресла вскочил. – Куда пропал? Ты был моим любимчиком.

– Вы ходили на бои?

– Регулярно. Я боксер в прошлом. Чемпион России. После травмы ушел на тренерскую работу. Сейчас держу три клуба. Стал кабинетной крысой, пузо наел, – он хлопнул себя по животу. – Но адреналинчика не хватает. Биться уже не могу, а поединки смотрю с удовольствием. Но бокс уже не тот. Перевелись Мохаммеды Али и Майки Тайсоны. Вот я и похаживаю на подпольные бои. Там настоящие гладиаторы, а не эти... что сейчас прическу бояться помять, когда боксируют. – Кравец усадил гостя в кресло, поставил перед ним тарелку с орехами разных сортов. – Ешь, чтобы мне меньше досталось, а то за месяц два кило набрал.

Аллигатор не стал отказываться. Орехи он любил, особенно фундук. Жаль, зубов не хватало и есть их было нелегко.

– Мне сказали, на работу к нам хочешь?

– Ага.

– А клуб покинул почему? Решил уйти на пике? Непобежденным?

– Разошлись с хозяевами во мнениях.

– Отказался проигрывать? – Он понимающе покивал. – Ох уж эти мне договорные бои. Но ты молодец. Не продал свою спортивную честь.

– Возьмете меня к себе?

– Нет.

– Из-за того, что у меня нет корочек? Куплю я их...

– Я бы тебя не только без них, без одной ноги бы взял. Группу бы под тебя создал. Назвал бы «Гладиаторы». И максимально много брал бы с них.

– Тогда в чем дело?

– Нечего тебе в инструкторах прозябать. Ты спортсмен. И я советую тебе стать профессионалом.

- Даже не знаю, как это делается.
- Помогу. Жаль, бокс – это не твое. А то сам бы взялся тренировать.
- Почему не мое?
- У тебя ноги сильнее рук. А коронный удар – локтем. Ты для ММА создан.
- Боюсь, у меня не так много денег, чтобы платить тренеру.
- Ему я заплачу. И найму тебе агента, но это в перспективе. Естественно, это не благотворительность, заключим контракт. Дай мне свой номер, координаты. Я свяжусь с тобой.
- Когда?
- Как только, так сразу.

Через два дня его вызвали в зал. Поздним вечером, когда он уже закрылся. На ринге стоял маленький длиннорукий мужчина с бровями такой густоты, что они буквально лежали на глазах. Как сугробы – такие же белые. Волосы тоже были абсолютно седыми. А лицо не старое. На вид дядьке было не больше пятидесяти.

– Знакомся, Санта, это Аллигатор, – сказал ему Кравец. Он стоял за рингом, опираясь руками на канаты. – Аллигатор, это Санта. Он твой тренер.

– Окорок, это Алиса, Алиса, это окорок, – проворчал дядька, нахмурившись. Его брови зашевелились. – Я еще не сказал «да». Надо мальчишку в деле проверить.

– Я видел его в деле. Поверь мне, он настоящий гладиатор.

– А я не видел, – дядька был по-прежнему хмур.

Глянув на Аллигатора из-под своих сугробов, сказал:

– Зовут меня Федором Александровичем. Можно называть Санычем. Санта я для своих. Ты пока чужой.

– Почему Санта?

– Похож же, – засмеялся Кравец. – Сейчас меньше, но когда бороду носил... Вылитый!

– Хватит болтать, – одернул его Саныч. – А ты, – ткнул пальцем в Аллигатора, – раздевайся, разувайся и лезь сюда.

Пока Аллигатор скидывал с себя одежду и кроссовки, Санта натянул на руки щитки.

– Вы бы и корпус прикрыли, – посоветовал ему Аллигатор. – Я вас, конечно, пожалею, но могу не рассчитать силы.

– Ничего, сдую.

– Ты не смотри, что он худой и кашляет, – вступил в диалог Кравец, затем достал из кармана горсть кешью и стал по ореху закидывать в рот. – Санта – один из сильнейших бойцов своего поколения. У него два черных пояса по самбо и карате. Мог бы легендой стать, да в девяностых не с той компанией связался, в тюрьму загремел на восемь лет.

– Хорош трепаться! А ты, – уже Аллигатору, – штаны тоже снимай.

– Это еще зачем?

– Ноги твои видеть хочу. Если стесняешься, поди шорты надень. В раздевалке висят.

Он так и сделал. Не прыгать же перед двумя мужиками в трусишках. Они свободные, еще сверкнет достоинством. Аллигатор показывал, какие удары может наносить. Но бил легонько.

– Мне в принципе все ясно, – проговорил Санта. – Но прежде чем вынести вердикт, я хочу ощутить мощь. Ударь меня в полную силу. Не важно куда. Но допустимым приемом.

– Саныч, ты рискуешь, – забеспокоился Кравец. – Он в нокаут отправил самого Зевса. А этот зверюга был непобедим.

Санта отмахнулся от него и приказал Аллигатору:

– Бей!

Тот ударил локтем. По щитам. Саныч отлетел на два метра и повис на канатах.

– Как вы? – бросился к нему Аллигатор.

– Да нормально, нормально, – прокряхтел Федор Александрович. – Теперь верю, что можешь отправить в нокаут, а то бил как девчонка. Но не это главное. Есть в тебе достоинство, парень. Ты не ударил по незащищенному месту.

Саньч отбросил щитки, слез с ринга.

– Начнем завтра. Сейчас иди домой и выспись хорошенько. Только не жри перед тем, как пойти в кровать.

– Я привык есть на ночь.

– Это заметно. Ты в ужасной форме.

– Поправился немного.

– Ты жирный.

– Да у нас в клубе сумоисты побеждали качков. А Емельяненко возьмите, он далеко не Аполлон.

– Емельяненко можно. Достигнешь его уровня, толстей сколько хочешь. А если тебе так хочется разжиреть, иди в сумо. Какой у тебя рост?

– Сто девяносто шесть.

– А весишь?

– Сто десять где-то.

– Нет, больше. Встань на весы. Вон они.

Аллигатор так и сделал. Табло показало сто восемнадцать. Для его роста – нормально.

– Когда начинал, сколько в тебе было?

– Сто.

– Тоже много. Девяносто два – идеально. В полутяжелом весе ты точно всех порвешь.

– Нет.

– Что ты сказал?

– Нет, я не буду худеть до девяноста двух. Я за свою жизнь наголодался, больше не хочу. До ста согласен, похудею. И порву всех в тяжелом весе.

– Хорошо, – быстро согласился Санта. – Но чтобы ни жиринки на теле. Только сухая масса. На завтрак овсянка на воде. Два сваренных вкрутую яйца. Ни чая, ни кофе. Теплая вода с долькой лимона. В десять я тебя жду тут со сменной формой.

Естественно, Аллигатор не послушался. Он сожрал все, что было в холодильнике. Попировал напоследок. Утром совсем не поел. Он не думал, что его будут гонять до обеда. Бег, скакалка, отжимания, гребля. После обеда и недолгого сна – бокс. Санте не нравились его хуки.

В форму Аллигатор пришел за два с половиной месяца. И сразу же принял участие в турнире по ММА в Йошкар-Оле. Его транслировали только по региональному каналу. И журналисты присутствовали республиканские, да еще пара спортивных блогеров. Аллигатор не понимал, что ему делать на этом местечковом турнире. Но Санта объяснил: если он облажается, об этом мало кто узнает.

Он не облажался. Стал победителем турнира. Получил призовые. Они были настолько малы, что Кравец не стал отбирать свою законную долю. Махнул рукой. Трать, не жалко.

Весь следующий год они ездили по таким вот турнирам. Больше тратили, чем зарабатывали. Да, Аллигатору предлагали что-то рекламировать, но Кравец, человек, который нес финансовую ответственность за все, спонсор, отказывал всем. «Не будем разбрасываться по мелочовке, – говорил он. – Дождемся предложения от “Адидаса” и “Найка”».

И вот Аллигатора выставили на чемпионат России. Отбор был жесточайший. Отсеивали тех, кто до этого занимал даже вторые места. А Аллигатор занимал, пусть и единожды. Тогда он плохо себя чувствовал, но никому об этом не говорил. Подумаешь, простудился. Температуру сбил. Врач допустил к соревнованиям. Но во время боя так закружилась голова, что Аллигатор пропустил удар ногой и стал сдавать позиции. Проиграл по очкам. И даже не расстроился,

потому что не до этого было. Оказалось, причина слабости не простуда, а сальмонелла. Сырые яйца, что он пил по утрам, сыграли с ним злую шутку.

Но один проигрыш не помешал Аллигатору принять участие в чемпионате России. Финальный бой выиграл, вырубив соперника, члена сборной с большим послужным списком, фирменным ударом. На этом настоял тренер.

– Пришла пора заявить о себе! – сказал он.

И Аллигатор заявил. Бой транслировали по центральному спортивному каналу. Как и пресс-конференцию. Тренер и спонсор сидели по обе руки от чемпиона. Говорил в основном Кравец. И главное, что от него слышали все, в том числе Аллигатор, так это то, что следующий бой с его участием состоится в Марселе.

– Чемпионат Европы? – восклицал Аллигатор после. – Нам что, в России не сидится?

– Нет. Мы стремимся к мировому господству.

– Что ты несешь? – они перешли на «ты» и с ним, и с тренером. И Аллигатору позволили называть тренера Сантой.

– Я в хорошем смысле. Ты станешь чемпионом чемпионов. Легендой. Богом, если хочешь. Ты когда-то свалил с олимпа Зевса и Тора, пришла пора низвергнуть современных небожителей.

Перед отъездом Кравец нанял еще и агента. Профессионального, ушлого, с международными связями. Он должен был представлять интересы Аллигатора перед клубами и компаниями. Но, естественно, решения оставались за спонсором. А у спортсмена мнения не спрашивали. Ему только разъясняли, для чего все делается. А делается ВСЕ, естественно, ради его блага.

Аллигатор стал чемпионом Европы. Потом Азии...

А теперь Евразии.

В Пекин, где проходил турнир, съехались сильнейшие бойцы. Настоящие звезды. Мохаммед, с которым Аллигатор сошелся в финале, когда-то одержал три победы подряд в абсолютном бойцовском чемпионате в Лас-Вегасе. Но вынужден был временно уйти из спорта. И не из-за физических травм, а из-за душевных: тяжелый развод, депрессия, запрещенные препараты... Но Мохаммед вернулся с триумфом. Одержал несколько, пусть и не таких серьезных, как ранее, побед. Эксперты считали, что он находится в лучшей своей форме. И предрекали ему очередную победу.

– Каковы мои шансы, на твой взгляд? – спросил Аллигатор у тренера.

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Я думал, ты в меня веришь.

– Да. Поэтому и уравниваю шансы. Ты щенок на его фоне.

– Мой опыт с его не сравнится. Когда же ты это поймешь, Санта?

– Может, когда ты расскажешь мне о своем прошлом. Не о бойцовском клубе, я представляю, как вы там бились. О том, что ты пережил до этого... Закалило тебя именно то прошлое.

– Еще не время.

– Ладно, я не тороплю. Но ты берегись обманного хук-кика, его коронка – фронтальный¹.

– Заметил. А еще знаешь что? Он плохо видит боковым зрением. Поэтому и бьет прямо. Чтобы наверняка. Я ушатаю его, Санта. И стану чемпионом Евразии.

– Дай бог, дай бог.

– Ты разве в него веришь?

– Когда-нибудь я тебе расскажу. Но еще не время, – вернул ему его же слова Саныч.

– Добавим мне мотивации?

¹ Хук – боковой удар.

– Звания, огромных призовых и жирных контрактов в ближайшей перспективе тебе недостаточно?

– Хочу лично от тебя.

– Благодарственное письмо, написанное моей обезьяньей лапой?

– Если я стану чемпионом, ты сбреешь брови! Сейчас модная тема, кстати, среди тренеров. Кто шевелюру бреет, кто усы.

– В случае проигрыша подопечных!

– А мы пойдем против системы. Тем более что твои брови закрывают глаза и их не видно на снимках. Фотографы жалуются.

– Я в объективы и не лезу. И брови мои – неприкосновенны.

Санта рассердился и закончил разговор.

А через час Аллигатор вышел на бой. И победил Мохаммеда. Не как планировал, отправив в нокаут, а измотав его и придушив. Тот на самом деле оказался сильным противником.

Но объективно ни он, ни предыдущие бойцы, ни даже тот, кто победил его в поединке официальной серии, не были достаточно сильными для того, чтобы порвать Аллигатора. После подпольного клуба, в котором он окреп, эти соревнования казались версией «лайт» настоящей драки, пусть и по правилам. Да, его отлично натаскал Санта. Заставил привести себя в идеальную форму. И все же Аллигатор не потерялся бы, даже встав с дивана в тот период, когда жрал, спал и смотрел телевизор. Не победил бы, нет. Но и не опозорился бы. Четвертое место занял бы играючи. За третье поборолся бы. Но поскольку Аллигатор сейчас находился в лучшей своей форме, то ожидал только победы. Какие там пятьдесят на пятьдесят? Девяносто восемь на два. И то если бы на Аллигатора упал метеорит. А уж сальмонелла точно не встала бы на его пути к победе.

И он ее одержал!

Аллигатору, зверенышу, выросшему на улице, удалось стать властелином всей Евразии. Пусть и на один миг. Тот волшебный миг, когда тебя объявляют победителем. Адреналин еще бурлит в тебе, из-за него твой восторг удесятеряется, а боль не чувствуется.

Но сейчас, когда Аллигатор успокоился, стало очевидно, что его потрепали. Пусть и не так страшно, как когда-то в бойцовском клубе, где ограждающие сетки было настолько высоки, чтобы из них нельзя были выпрыгнуть. Как и запрыгнуть внутрь. Публика сходила с ума от вида крови, подпитывала своим безумием бойцов, зверели и те и другие.

Аллигатор умылся ледяной водой. Раны защипало.

Тут дверь с грохотом распахнулась, и в туалет влетел Санта.

– Мальчик мой! – проговорил он и кинулся обниматься. Мальчиком, да еще и своим, тренер Аллигатора никогда не называл. Он вообще к нему никак не обращался. В лицо говорил «ты», если кому-то о нем и при нем – «этот». Как за глаза, кто знает. – Как я горжусь тобой!

– Приятно слышать, – сказал Аллигатор и заключил Санту в объятия. Как большую игрушку в руки взял.

Следом за тренером в туалет зашли спонсор и агент, последнего звали Аланом. С довольными минами. Но улыбка Кравца была шире и искреннее.

Все они уже поздравляли Аллигатора с победой. Но при людях и камерах. Теперь решили сделать это без свидетелей. И до церемонии награждения.

– Что, не зря я тебя, Санта, с твоего оленя сдернул? – обратился Кравец к Федору Александровичу.

– Не зря, – согласился он.

Аллигатор думал, что олень – это просто аллегория, оказалось – не просто.

– Водителем «Газели» работал, представляете? Талант свой тренерский растрачивал. Сколько ему предлагали в спорт вернуться, всегда и всем отказывал. Чудом уговорил. Должок старый вспомнил...

- Про него ни слова!
- Базара нет, Санта. Я и про то, почему ты бороду сбрил, никому не расскажу. Захочешь, сам это сделаешь. Кстати, зачем тебе бритва?
- Принес?
- Держи, – Кравец протянул ему станок.
- Мальчик мой, это в знак уважения... – и провел по брови.
- Эй, ты чего? – всполошился Аллигатор. – Не надо. Я же шутил.
- Не зубы – отрастут. Словами я благодарность выражать не умею, так легче.
- Ты хоть их намыль, чтобы лезвие лучше скользило.
- О, это надо заснять! – вскричал агент и достал свой супер-пупер телефон. Как только появлялась новая модель, он покупал ее. Именно такие, как он, стояли в очередях, чтобы приобрести игрушку одним из первых. – Выложим в сеть. Хайпанем.
- Не надо, – Аллигатор закрыл камеру рукой. – Это наше с Санычем дело. Пусть не сокровенное, но личное. Я не позволю выносить это.
- Вечером пресс-конференция. Твой тренер будет без бровей. Это все заметят. Не лучше ли извлечь пользу из того, что Санта покажется перед журналистами в непривычном виде?
- Я тебе не Санта, – прорычал тренер. – Так меня могут называть только свои.
- Слушай, он в принципе прав, – примирительно проговорил Кравец. – И дело даже не в хайпе. Надо будет как-то оправдывать твой странный вид.
- Он наденет шапку и натянет ее на глаза. Никаких съемок.
- Уже капризничает.
- Я тебе не телка, – раздул ноздри Аллигатор.
- Агент Алан ему не нравился. Гуттаперчевый тип. Не физически – морально: растягивается, как угодно. Даже имя свое произносит с разными ударениями. Мог отрекомендоваться Элом, а одному шейху представился как Али.
- Знаю я вас, спортсменов. Когда начинаете – послушные, на все согласные. Но едва подниметесь, гонор включаете.
- Уйди отсюда, а? Бесишь меня.
- Ты меня тоже! – Алан, который всегда говорил ровно и улыбался, повысил голос и оскалился, точно пес, которого растравили. – Но я работаю с тобой. Заметь, не на тебя. На него, – и указал на Кравца. – Так что советую меня слушать. А то знаю я вас, спортсменов. От первых побед вам голову сносит, начинаете пальцы гнуть. Не скажу, что ты пустышка. Я впечатлен твоими результатами. Но без помощи профессионалов ты ничего не добьешься.
- Он это понимает, – снова вклинился Кравец, желающий сгладить конфликт. – Но давай ты сейчас не будешь учить нашего чемпиона жизни. Не порть момент.
- Это и мой момент тоже! – сорвался на крик Алан. – Я договорился с представителями UFC² о матче с Бизоном Маклаудом.
- Ого! – Кравец аж присвистнул. – Он же из высшего дивизиона. Чтобы с ним сразиться, нужно пройти определенный путь...
- Вот именно. А я все порешал. Мы летим в Лас-Вегас через месяц.
- Дай я тебя поцелую, Аланчик! – и реально чмокнул в макушку – агент тоже был мал ростом. Кравец как будто специально подбирал всех, чтобы Аллигатор на фоне своей команды казался еще мощнее.
- Да, ты молоток, – похвалил его Аллигатор. – Спасибо.
- Тот сразу утихомирился.
- Напоминаю, что церемония награждения через десять минут. Поторопитесь. – И ушел.

² Абсолютный бойцовский чемпионат, американская организация, проводящая бои ММА.

Санта тем временем добрил свои брови. По совету Аллигатора он их намылил и теперь никак не мог смыть пену с лица.

– Готовиться к бою будешь в Турции, на Мармарисе, – сказал Аллигатору Кравец. – Есть у меня там хороший знакомый, встретит, разместит.

– Почему именно там? – пофыркивая, спросил Санта. Пенная вода заливалась ему в нос.

– Климат мягкий, воздух полезный из-за сосен и моря, а цены не чета нашим.

– Мы там на мясе разоримся. Оно в Турции дорогое, а он жрет, как рота солдат.

– Курица дешевая, а ему как раз положена только вареная грудка. Вылететь можно хоть сегодня в ночь, тем более из-за разницы во времени вы туда только к вечеру прилетите. Недельку отдохнете, потом трени до упаду.

– Мне нужно в Москву, – сказал Аллигатор.

– Зачем?

– По личному вопросу.

– Бабу, что ли, завел? Если да, купим билет и ей. Вместе понежиться. И на потом может остаться. А то турчанки тебе вряд ли дадут, а туристов уже сейчас немного – конец сезона.

– Мне нужно в Москву, – повторил Аллигатор.

– Всеми доками я займусь. В том числе визой.

Он тяжело посмотрел на Кравца. Почему он должен отчитываться? И что-то объяснять? Ему не нужны советы и разрешения на какие-то действия, если они не касаются карьеры. Как спортсмен он послушен. Но как человек волен делать то, что пожелает. Аллигатор – хищная рептилия, а не какой-то там пуделек цирковой.

Кравец сегодня был в таком хорошем расположении духа, что обожал весь мир. А уж того, кто стал причиной этому, тем более. Спонсор не был тем душкой, каким предстал перед ним впервые. Орал, ругался, швырялся своими любимыми орехами в людей, которые его всего лишь раздражали. Тем, кто бесил, прилетало уже серьезно. Подчиненных увольнял без жалости. А приятелям мог и в морду дать. Даже на Санту пару раз замахивался, да тот технично уходил от удара.

– Надо так надо, – лучезарно улыбнулся Аллигатору Кравец. – Лети. Но совместим полезное с приятным.

– Каким образом?

– С парой человечков встретишься. Они очень в тебе заинтересованы, но мы набиваем цену. Я сейчас, после твоей победы, ее задеру до небес, они наверняка захотят с тобой пообщаться вживую, прежде чем примут решение.

А Санта умылся-таки. И поднял свое мокрое лицо, чтобы посмотреть в зеркало, и Аллигатор прыснул. Хотел сдержатъ смехок, но не получилось. А когда Кравец хохотнул, он и вовсе заржал. Смеяться было больно, но как остановиться?

– Санта, если ты когда-нибудь надумаешь подаваться в бега... – заговорил Кравец, успокоившийся первым, – ты пластическую операцию не делай. Просто сбрей брови!

– Да, я бы тебя не узнал без них, – согласился с ним Аллигатор.

– А давай новые нарисуем? Будешь на Стива Мартина похож. Помнишь старый фильм «Отпетые мошенники»? Он ничего такой мужичок, моей бывшей жене очень нравился.

– Твоей бывшей жене кто только не нравился.

– Согласен, она была шалавой. И ты тоже с ней спал. Я знаю.

– Я знаю, что ты знаешь. А заснять процесс Аланчику зря не дали. На пресс-конференции я буду выглядеть посмешищем даже в шапке, надвинутой на глаза.

И тут свершилось то, чего Аллигатор не ожидал. Саныч рассмеялся. И это было почти так же удивительно, как если бы из кабинки показалась девочка-привидение. Как в «Гарри Поттере».

– Хотя бы ради этого стоило победить, – сказал Аллигатор. – А теперь оставьте меня. Дайте спокойно нужду справить.

Спонсор и тренер покивали и ушли.

А Аллигатор остался стоять у зеркала. Он не хотел в туалет. Только побыть еще немного в одиночестве. Именно сейчас, в эти короткие минуты, он хотел принять решение...

В Москве жил человек, которого он ненавидел. Единственный в мире. Остальных мог не терпеть, презирать, брезговать ими. А если чувство, похожее на ненависть, и вспыхивало в нем, то проходило. Это же он пронес через годы. Раньше Аллигатор точно не знал, где живет человек, вызывающий в нем эту чуждую ему эмоцию. Но нанятый им детектив нашел его. Теперь у Аллигатора были все сведения о ненавистном ему человеке, и Аллигатор должен решить, как с ним поступить...

Убить или пощадить?

Пока он склонялся к первому.

Глава 2

Аркадий Яворский шел по залу прилетов аэропорта Домодедово, направляясь к выходу. Он прибыл налегке: за спиной небольшой рюкзак с вещами, на животе поясная сумка с документами и бумажником, в руке футляр, в нем – скрипка Гварнери.

На молодого мужчину никто не обращал внимания. Разве что назойливые таксисты подсакивали, наперебой предлагая свои услуги, но они не в счет. Бомбилы ко всем пристают, не желая мириться с тем, что их времена прошли и потенциальные пассажиры заказывают машины через Интернет. Аркадий уже вызвал «убер», нужно было подождать десять минут, и он решил сделать это на улице.

Выйдя через вращающуюся дверь из здания аэровокзала, Яворский осмотрелся. В Москве он не был три года, в Домодедово и того больше, лет пять, пожалуй, но на первый взгляд за это время мало что изменилось. И тогда, и сейчас что-то перестраивали, машины и пешеходы, невзирая на разметки и знаки, двигались хаотично и как-то нервно, гигантские табло транслировали рекламу автомобилей, а прямо перед выходом торговали медом. Почему именно им, Аркадий так в толк и не взял.

Яворский летал по всему миру с гастрольями, видел сотню аэропортов, все они были чем-то похожи. Крупные точно. И все же в Домодедово была какая-то особенность. Отвечая всем современным требованиям и в дизайне, и в оснащении, и в услугах, этот аэропорт остался немного старомодным. В нем все еще витал дух прошлого, двадцатого века. Возможно, Аркадию так казалось потому, что именно из Домодедово он впервые улетал за границу, и было это в конце девяностых. Тогда ему едва исполнилось девять, а аэропорт как раз начали реконструировать...

Он купил кофе и присел на лавку, чтобы выпить его. Напиток, как и ожидалось, оказался дрянным. Сделав два глотка, Аркадий выкинул стаканчик в урну. Через час-полтора, в зависимости от пробок, он сможет себе позволить отменный капучино. И, пожалуй, пирожное тирамису. Яворский обожал сладкое, но вынужден был себя в нем ограничивать из-за склонности к полноте. В детстве и юности Аркаша был толстячком и только в двадцать лет смог избавиться от лишних тридцати килограммов. Сейчас он весил восемьдесят три при росте сто семьдесят шесть. Не Аполлон Бельведерский, но и не жирдяй. В одежде Яворский смотрелся весьма неплохо, особенно в концертном смокинге, но раздетым – безобразно: плечи покатые, сисечки, на талии «спасательный круг». По уверениям друга Рауля, не только неплохого виолончелиста, но и пауэрлифтера, свое тело в порядок Аркадий мог бы привести за несколько месяцев. А за пару лет вылепить из себя Аполлона Бельведерского, если его фигура так Аркаше нравится. По мнению самого Рауля, Аполлону не хватало мощи, и он стремился к сходству с Геркулесом. Наслушавшись приятеля, Яворский отправился в спортзал, нанял себе персонального тренера и честно ходил на четыре занятия. Собирался и на пятое, но, приготовив сумку, отбросил ее, взялся за скрипку и принялся репетировать. Нельзя размениваться. Музыка – дама капризная, ей нужно отдавать всего себя. За верность она вознаградит, наполнив собою. Играя, Аркадий чувствовал ее в себе. И это было похоже на магию. Водя смычком по струнам, Яворский колдовал. А тягая железки, тратил время и силы впустую. И зачем? Ради кубиков? Да наплевать на них. Лучше быть гениальным скрипачом с брюшком, чем неплохим виолончелистом с фигурой Геркулеса.

– Кого я вижу! – услышал Аркадий радостный возглас. – Самого Яворского!

Неужели узнали? Да, Аркадий был настоящей звездой классической музыки, скрипачом, собирающим полные залы консерваторий, лауреатом всевозможных премий, человеком, бывавшим на приемах у первых лиц государств и монарших особ, но широкой публике он был

неизвестен. На улицах к нему подходили редко. Разве что в Вене, где он год выступал в знаменитом оперном театре.

Аркадий обернулся на голос и увидел мужчину примерно своих лет. Высокого, черноволосого, лучезарно улыбающегося.

– Гарри Поттер от музыки, – продолжил незнакомец. – У которого вместо волшебной палочки смычок...

Эти слова бальзамом пролились на душу Аркадия. Не лишенный тщеславия, он обожал дифирамбы. Compliments воспринимал как должное. Они были приятны, но не будоражили. Получить заслуженную похвалу – это одно, а искупаться в восхищении – другое...

Все равно что сравнить аплодисменты с бурными овациями.

Поблагодарив улыбчивого брюнета за лестные слова кивком головы, Аркадий поинтересовался:

– Вы бывали на моих выступлениях?

– А как же! Посетил с десяток.

– О, как приятно...

Аркадий внимательнее посмотрел на брюнета. Внешность его показалась ему знакомой с первого взгляда. Теперь Яворский понял, что перед ним фанат. У классических музыкантов их было не так много, как у поп-исполнителей или даже оперных певцов, и все же они имелись. Своих Аркадий в лицо не запоминал, но, когда администратор сообщал, что с ним желает немного пообщаться преданный поклонник, позволял пропустить его за кулисы, выслушивал восторженные речи, благодарил, фотографировался, подписывал диск или программку... Бывало, что-то дарил. Ту же запись на устаревшем теперь носителе. Или цветы, если фанат – женщина.

– В каком городе вы ходили на мои концерты? – не сдержал любопытства Аркадий.

– В этом самом, – ответил брюнет и к улыбке прибавил смешок. Он от души веселился, и это уже казалось странным.

– В Москве? – зачем-то уточнил Яворский. Собеседник закивал. – Но я не выступал тут уже четыре года.

– А я почти двадцать лет не бывал на твоих выступлениях. Яворский, неужели ты меня не узнал?

Аркадий растерялся. Перед ним человек из детства. На кого-то похожий, но не узнанный.

– Какаша, ну ты даешь!

И тут все встало на свои места. Какашей Аркадия называл лишь один человек...

Володя Дорогин, он же Вовчик. Одноклассник Яворского и до поры лучший друг. Черная кошка между ребятами пробежала, когда обоим было по тринадцать. Парни поехали вместе в деревню. Нужник там был на улице. Представлял собой деревянный ящик, внутри которого была яма, обложенная досками. В нее Яворский провалился одной ногой, ступив не туда. Ухнул в дерьмо по колено. И Вовка был тому свидетелем.

Немая сцена.

Яворский вытащил ногу из теплой, тошнотворно воняющей жижи. По ней текло...

И тут голос бабушки:

– Аркаша!

Вовчик гоготнул:

– Какаша. – А затем уже серьезно сказал: – Иди к шлангу, мойся. Я за мылом сбегая.

Для Аркадия это происшествие стало главным позором в жизни. Он пошел бы на лоботомию, лишь бы забыть его. Но даже спустя годы оно нет-нет да всплывало в памяти. Когда Аркадий волновался перед выходом на сцену и представлял себе самый худший исход, полный провал концерта, то видел себя стоящим по колено в дерьме. И на него смотрел не один человек, а сотни.

Возможно, если бы Вовчик знал, насколько серьезно Аркадий воспринял конфуз, приключившийся с ним, то не напоминал бы о нем. Но Яворскому было стыдно признаться в этом. Единственное, о чем он попросил, – это никому не рассказывать. Друг дал слово молчать, но в разговоре тет-а-тет употреблял прозвище Какаша, не считая его позорным. Вовчик и себя сыкуном называл. Причем прилюдно. Как-то он на спор за раз выпил два литра пепси, а потом на урок пошел. Там ему приспичило. Учительница позволила выйти не сразу. В итоге не добежал Вовчик до туалета, описался в коридоре. Свидетелей тому не было, и Аркадий на месте друга подсушил бы штаны и вернулся бы в класс как ни в чем не бывало. Когда никто не знает о том, что ты намочил трусишки, как грудничок, считай, ничего и не было. Но Вовчик посчитал произошедшее забавным казусом и растрепал о нем одноклассникам. Другого бы затравили потом, а Дорогину хоть бы хны, как был всеобщим любимчиком, так и остался.

После того конфуза Аркадий стал от друга отдаляться. Общаться с человеком, который может тебя назвать Какашей, не хотелось. Это все равно что вновь в дерьмо окунуться. Аркаша начал Вовчика избегать. Благо причина не видется была – Яворский все больше времени посвящал музыке, а Дорогин – девочкам. Их пути разошлись. Но если бы Аркаша не стал Какашей, он ни за что не расстался бы с другом. Вовчика он обожал. Восхищался им. Считал избранным. Дорогину все давалось легко. Он был всесторонне развитым и отлично справлялся и с математикой, и с русским, играл и в футбол, и на гитаре, жарил вкуснейшую картошку и строгал лучшие скворечники, мог как следует задать хулигану и осыпать девочку комплиментами. Многие пацаны ему завидовали. И стремились сблизиться. Аркадий же Вовчику достался «в наследство». Мамы пацанов дружили с детства. Они жили в одном доме, учились в одном классе, поступили в один институт, вышли замуж за однокурсников, причем в один день. Но Дорогины, получив дипломы, переехали в Армению, откуда родом был отец новобрачной. Вернулись в Москву спустя девять лет с сыном, который должен был пойти в первый класс. Аркаше тоже было семь. Подруги, естественно, отдали детей в один класс, чтобы их сыновья продолжили традицию.

– Так что, узнал меня? – услышал Аркадий голос Вовчика и понял, что «завис», окунувшись в воспоминания.

– Вовчик.

– Он самый! А теперь обнимашки? – и распростер объятия.

Яворский поднялся с лавки и припал к груди друга детства.

От него хорошо пахло. Не одеколоном, а кондиционером для белья. Это было немного странно. Такой неотразимый мачо, как Дорогин, должен источать призывно сексуальные запахи, а от него веет домашним уютом. Неужто остепенился и женился? Мамы Аркадия и Вовки все еще дружили, пусть и на расстоянии, но Яворский как-то не интересовался жизнью Дорогина.

– Как же круто, что я тебя встретил! – Вовчик был искренен в своей радости. – Сто лет не виделись.

– Да уж, – поддакнул Аркаша. – Как поживаешь?

– В двух словах не расскажешь.

– Куда улетаешь?

– Встречаю.

– Жену?

– Холостой я, Аркаша. Вот уже четыре месяца как.

– То есть был женат?

– Дважды. От первой супружницы сын. Вот такой пацан, – он показал «лайк», оттопырив большой палец. – А ты все один?

– Нет, у меня есть невеста, – с достоинством проговорил Аркадий.

– Да? А мне матушка говорила, что ты весь в музыке и тебе не до глупостей.

– Я весь в музыке. Мне не до глупостей. Но любовь к ним не относится. – Телефон завибрировал. Это пришло сообщение о том, что машина подъехала. – Извини, Вовчик, мне ехать нужно. Давай в другой раз встретимся и поболтаем? Оставь свой номер.

– Не, так дело не пойдет.

– Извини?

– Не едешь ты никуда. Остаешься со мной, и мы вместе встречаем того, кто уже прилетел и примерно через двадцать минут появится перед нашими глазами... – Аркадий замотал головой, но Вовчик отказа не принял: – Не обсуждается, друг мой. Вселенная сделала все, чтобы мы встретились, и ты не сбежишь.

– Меня уже заждалась машина...

– Отпусти. В город я тебя отвезу через час. Тебя и... – Вовчик подмигнул своим красивым карим глазом. – Как думаешь, кого я встречаю? – Аркадий пожал плечами. – Ну, предположи...

– Маму?

Вовчик закатил глаза, выражая «фи» фантазии Аркаши. И не в силах больше сдерживаться, выпалил:

– Бараш прилетает!

Это было второе потрясение за сегодня!

Сначала Аркадий натывается на старого друга, а теперь ему сообщают о прибытии давнего врага. И зовут встретить его...

Барашем Илью Баршева звали не только из-за созвучия с фамилией. Волосы пацана были как руно: золотистые, круто кудрявые. До них хотелось дотронуться, как до меха. Бараш терпеть не мог, когда его гладили по волосам, но позволял это делать девочкам, которые ему нравились. С ним Аркаша тоже когда-то дружил, но не так долго и плотно, как с Вовчиком. Бараш вызывал у Яворского смешанное чувство зависти и раздражения. Тот был гораздо лучше одарен музыкально, но наплеватьски относился к своему таланту. А еще являлся любимчиком девочек, ничем, в отличие от того же Вовчика, не выделяясь, разве что своим золотым руном. В общем, Бараш был признанным музыкантом и Казановой, тогда как Аркаша из кожи вон лез, чтобы научиться достойно играть и привлечь к себе внимание дам. Заклятым врагом Илью он, конечно же, считал по детской горячности, поскольку тот ему в принципе ничего дурного не сделал, а несносным он был со всеми в силу своего дурного характера. Кроме того, Бараш даже не знал, что вызывает в Аркаше такие сильные чувства. А тот меж тем десятки раз мысленно сталкивал Илью в «очко», а пару раз травил, как Сальери Моцарта.

– Ты до сих пор общаешься с Барашем? – удивился Аркаша. Ему казалось, никто не сможет вытерпеть Илью.

– Дружу, – поправил Вовчик. – Ты потерялся после школы, а мы с Барашем стали корешами. Вместе в музыкальное училище поступили, только я бросил его после первого курса, а Илюха до диплома дошел.

Училище, фыркнул про себя Аркадий. С таким природным талантом, как у Бараша, можно было на консерваторию замахнуться. Но тот не ставил перед собой сверхзадач, в отличие от Аркаши. Поэтому со своим училищем он сейчас наверняка работает в каком-нибудь заштатном оркестре.

– Чем он сейчас занимается? – спросил у приятеля Аркадий, желая подтвердить свои предположения.

– Звездит, – хмыкнул Вовчик.

– В каком смысле?

– В прямом. Он на басах играет в группе «Нож и вилка».

– Дурацкое название.

– Может быть. Но группа хорошая, популярная очень в Украине. Скоро и у нас начнут продвигаться. Для переговоров Бараш и прилетает. Он не только басист, но и основатель, и композитор. Он, можно сказать, и нож, и вилка... и тарелка!

– Надо же, – пробормотал Аркадий. Бараш пусть и не сделал его, всемирно известного скрипача, но и не дал над собой позлорадствовать. – А ты кем работаешь?

– Веду мероприятия. – Аркадий подумал было, что приятель стал конференсье, но тот тут же добавил: – Свадьбы, юбилеи.

– Ты тамада? – решил задать уточняющий вопрос Яворский.

– Больше певец и диджей, но конкурсы тоже провожу и знаю десятки тостов. Еще на детских праздниках работаю, сегодня как раз провел один утренник у первоклашек в элитной гимназии. Пришлось петь песни из «Короля-Льва» в накладной гриве, но зато заплатили прилично.

– Я удивлен, – честно признался Аркадий.

– Чему?

– Думал, среди нас троих ты больше всех заслуживаешь славы, и не сомневался, что добьешься ее... Но ты всего лишь... аниматор?

– Я, в отличие от вас с Барашем, не тщеславный, – рассмеялся Вовчик. – Я не хочу быть любимым миллионами и даже тысячами. Мне нескольких человек достаточно. Да, хотелось бы больше зарабатывать, но я к этому стремлюсь.

Лукавил Вовчик или нет, Аркадий понять не мог. Ему никогда не удавалось прочитать товарища. Его улыбка всегда казалась искренней, слова убедительными, взгляд правдивым. Но Вовчик еще и отлично играл. Он во всех школьных конкурсах сказок и постановках исполнял главные роли, срывая овации. Мог бы поступить в театральный. И сейчас бы мелькала на телеэкранах его красивая физиономия...

Но Вова Дорогин выступает в искусственной гриве перед маленькими буржуинами, не чувствуя себя неловко, а только радуясь хорошему гонорару. Неужели правда?

У Дорогина пикинул телефон. Он глянул на экран и сообщил Аркаше:

– Прилетел Бараш. Пойдем встречать.

– Секунду... – Аркаша отпустил «убер», после чего двинулся следом за Дорогиным.

Тот мало изменился со школы. Почему Аркадий не узнал его, теперь ему самому казалось странным. Все тот же худощавый улыбака с глазами-вишнями и смоляными волосами. Да, сейчас их на висках посеребрила седина, а подбородок зарос щетиной, но это был все тот же Вовчик. Наверное, Яворский ожидал того, что все его одноклассники изменились так же сильно, как и он, поэтому не сразу признал Дорогина.

– Странно, что ты не понял, кто я, – будто прочитав его мысли, заметил тот. – Говорят, я почти не изменился.

– Не врут. Я просто растерялся...

– А я тебя сразу узнал, хоть ты совсем другой сейчас.

– Я похудел на тридцать кило.

– Да, и ты молодец, но дело не только в этом.

– В прическе? – раньше Аркаша носил короткую.

Его волосы были непослушными, торчали в разные стороны, поэтому он состригал их, оставляя ублюдскую, как сейчас ему виделось, челку: тонкую, профилированную, как у советского пупсика. Тогда многие ходили с подобными. И даже сейчас, как показывали соцсети, в глухих российских провинциях еще остались «пупсы». Но Аркаша отрастил волосы, и благодаря современным средствам укладки они смотрелись прекрасно.

– И прическа у тебя сейчас супер. Да и брови, смотрю, ты корректируешь.

– Я же артист, должен хорошо выглядеть.

– Да, вот именно! Ты изменился в комплексе. Стал лошеным, стильным, презентабельным. Не тот пухляш с дурацкой челкой, что стоял на сцене в маловатом плюшевом пиджаке, опустив плечи. У тебя появилась осанка. И ты знаешь, куда деть руки. В общем, прими мои комплименты. Выглядишь на все сто.

– Пока на девяносто, – немного засмутился Аркаша. – Нужно подкачаться еще.

– Какаша-качок, – расхохотался Вовчик и обнял приятеля за шею – он был значительно выше, на полголовы точно.

– Ты можешь меня так не называть? – напрягся тот.

– Ой, да ладно тебе. Я ж любя.

– Мне неприятно.

– Да я тебе отмываться помогал, ты чего? В том же дерьме, что и ты, был. Есть братья по крови, а мы с тобой...

– Бараш! – оборвал его Аркадий и указал на золотоволосого мужчину, выходящего из зеленого коридора аэропорта.

Дорогин тут же заткнулся и проследил за жестом.

– Это не он, – хохотнул Вовчик. Он постоянно скалился или ржал, и это начинало раздражать. Вспомнилась русская пословица: «Смех без причины – признак дурачины!» – Бараш изменился не меньше тебя. А то и больше. Мне сейчас даже интересно, узнаешь ли ты его.

– Я постараюсь.

– Хотя о чем я? Он, как и ты, с футляром будет. Но не скрипичным, гитарным. А коль ты знаешь, что он басист, сразу поймешь.

– Вы по классу гитары учились?

– Он – да. Я на ударных. Там конкурс был ниже, я легко прошел.

– Не помню, чтоб ты играл на барабанах.

– За пару недель освоил. Ты же знаешь, я легко обучаюсь.

Но работаешь аниматором? Как так?

– Слушай, – продолжил Вовчик, – а разве не здорово, что все мы, птенцы Валюшки, посвятили свою жизнь искусству? Никто из нас не выбрал «нормальную» профессию, все остались в творчестве. Ты, я, Бараш, Колька... Его помнишь? Конопатый такой. Мы с ним вместе тамадим.

Аркадий ушам своим не поверил. Его, музыканта, вошедшего в мировой топ-10 самых знаковых классических исполнителей последнего десятилетия, поставили в один ряд с украинским рокером и двумя аниматорами. А еще десять минут назад сравнивали с Гарри Поттером...

Хотелось напомнить, что он выступает перед элитой, а они... Бараш перед подростками с дурными музыкальными вкусами, а Вовка и Коля, которого он, естественно, помнил, перед накачанной алкоголем толпой и детьми неразумными. Как их можно под одну гребенку причесать? Все равно что гепарда поставить в один ряд с помойным Барсиком только потому, что оба они из семейства кошачьих.

Но Аркадий удержал эти мысли при себе. Тем более когда волна возмущения спала, они переключились на Валюшу. Ту самую, чьими птенцами Вовчик назвал всех их...

Валентина Григорьевна Катаева. Превосходная скрипачка и педагог от бога. Этой женщине Аркаша был обязан всем! Если бы не она, он забросил бы не только скрипку, но и музыку в целом. Он был из семьи ветеринаров. Все ждали, что он продолжит династию. Но Аркаша грезил о сцене. Поэтому в пять лет упросил мать записать его в музыкальную школу. Два года он занимался наравне со всеми. Особыми талантами не блистал. Педагог отмечал лишь его старательность, но давал понять родителям, что толку из их сына не выйдет. Научится пилить, и только. Ни о какой сцене пусть не мечтает. На одном хорошем слухе и усидчивости далеко не уедешь. Талант нужен. А его нет. Так думали все... Кроме Валентины Григорьевны

Катаевой. Она рассмотрела в Аркаше настоящего музыканта и стала его вдохновлять. А еще заниматься с ним вне школы. Да, за деньги, но она брала не всех, а только тех, в ком видела потенциал. Валюша раскрыла Аркадия, и уже в девять он впервые отправился на международный конкурс в Братиславу.

– Рок-н-ролл жив! – услышал Яворский дикий крик и встряхнулся. Кто это глотку дерет? Неужели?..

Да, глотку драл Бараш. Пока Аркаша ностальгировал по тем временам, когда его таланты раскрывала дивная женщина по имени Валентина, Илья вышел из-за дверей, разделяющих зеленый коридор с залом прилета, и, увидев Вовчика, сделал козу, высунул язык и заблажил: «Рок-н-ролл жив!»

Аркаша поморщился. Что за манеры? Не подросток сопливый – дядя взрослый, разменявший четвертый десяток, пора бы уже научиться вести себя.

– Что это за кислая мина? – возопил Бараш. Естественно, речь шла о мине Аркаши. – Кто это морщит нос?

– Отгадай, – в тон ему дурашливо ответил Вовчик. И оба они напомнили Аркаше обкуренных героев фильма их детства «Очень страшное кино». «Чувааак!» – гримасничая, орал в трубку чернокожий Мелкий, разговаривая с маньяком в маске, и к нему присоединялись остальные ребята, пока слово «чувааак!» не слилось в один нестройный хор. Яворского всегда пердедргивало, когда он видел эту сцену.

– Неужели это Люк Скайуокер? – воскликнул Бараш. Он перепрыгнул через ограждение, хотя на то, чтобы обойти его, ушло бы секунд десять. – Только у него вместо светового меча смычок...

– Сразу понятно, что вы дружите, – пробормотал Аркаша. – Мыслите идентично.

– О чем он? – спросил у Вовчика Бараш.

– Забей, – отмахнулся тот. И заключил товарища в объятия.

Аркадий сделал шаг назад, чтобы его не сгребли в кучу. Со стороны он смотрел на друзей. Больше, конечно, на Бараша...

Вовчик не обманул, тот изменился. Да так, что даже гитара не помогла бы Аркадию его узнать. А все из-за руна... которого не было. Череп Бараша был абсолютно лысым. В нем отражался свет ламп и как будто даже бликовала сверкающая на табло реклама. Без золотых кудряшек Бараш оказался заурядным мужичком с невнятными чертами лица. Среднестатистическим. Но чтобы не слиться с толпой, Илья отрастил себе мерзкую бороденку под нижней губой. Не помпон, не косица, не полоска – квадратик. У Гитлера были такие усы, а у Бараша бороденка.

– Как долетел? – поинтересовался Вовчик.

– С приключениями, как всегда. А ты какими судьбами тут? – обратился к Аркаше Илья. – Если скажешь, что явился, чтобы меня встретить, не поверю.

– И правильно. Я прилетел из Цюриха за полчаса до тебя. С Вовчиком случайно встретились.

– Он меня не узнал, прикинь? – вставил тот.

– Да ты же совсем не изменился, как так?

– Сам в шоке. – Вовчик взял друзей под руки. – Угадайте, куда я вас сейчас повезу?

– Ты же обещал в город, – приостановился Аркадий. – У меня номер забронирован в «Рэдиссон».

– Успеешь в свой отель. Сначала в гости поедем.

– К твоей маме?

– Да что ты заладил... Она в Ереван уехала, уже шесть лет как. Сразу после развода с отцом... – Матушка Вовчика была наполовину армянкой, ее дед занимал высокий пост в

правительстве АССР, и его огромный дом стал той крепостью, за стенами которой потомки ныне покойного партийца находили убежище от невзгод.

– Так к кому мы в гости? – не сдержал любопытства Бараш. – Я за любой кипиш, но надо знать, что с собой прихватить.

– Цветы как минимум.

– Мы к бабам?

– Не. К женщинам. Точнее, к одной, но там и другая будет.

– Хватит говорить загадками! – возмутился Бараш.

Аркадий поддакнул.

– Неужто вы не помните, какой сегодня день?

Яворский стал перебирать в уме памятные даты, но в его воображаемом календаре девятнадцатое октября не было отмечено красным.

– Вот от тебя, Аркаша, я такого не ожидал, – с укором проговорил Вовчик. – У Валюши сегодня день рождения! Между прочим, юбилей.

– Да ну? – ахнул Бараш. – Я помню, что осенью, но думал, в ноябре... Всегда же снег шел, а на дворе бабье лето.

– Потепление климата. – И уже Аркаше: – Ты что же, не поздравлял ее последние годы? – Тот покачал головой. – Даже звонком или открыткой? Вот ты гад. Сам говорил, что если б не Валюша, ты подался бы в ветеринары и чикал бы котам яички.

– Я очень ей признателен, – сдержанно проговорил Аркадий. – И свою благодарность я выразил одиннадцать лет назад, подарив Валентине Григорьевне очень ценную вещь. На том мы закончили наше общение.

– Почему?

По кочану, хотелось огрызнуться в ответ. Неужели Вовчик думает, что Аркадий перед ним душу вывернет? Ясно же, что между педагогом и учеником произошло НЕЧТО, поставившее точку в их взаимоотношениях.

– Отстань от человека, – встал на защиту Аркадия Бараш, чем удивил. – Лучше скажи, почему ты помнишь о днюхе? Ты и занимался у Валюши всего год.

– Да, но когда вы к ней ходить перестали, я снова начал.

– Из-за Ксюши? – догадался Аркаша.

Так звали дочку Валентины. Она была младше их на три года, но уже в девять лет начала созревать, а в двенадцать выглядела вполне сформировавшейся девушкой.

– Да, она мне очень нравилась. Мы даже встречались какое-то время. Но от меня забеременела другая, и я, как честный человек, на ней женился. А Ксюша, кстати, через несколько лет вышла замуж за конопатого Кольку.

– И сейчас вы с ним вместе тамадите? – уточнил Аркаша.

– Точно.

– И поэтому ты знаешь, что сегодня у Валюши день рождения?

– Я всегда о нем помнил. И поздравлял ее. Колька сейчас за подарком отправился, потом домой. Валюша там вместе с Ксюшей. То есть они втроем отмечать будут. Скука! И я считаю, что если мы нагрянем, ей будет приятно.

– Может, она этого и хотела: отметить в узком кругу? – предположил Аркаша.

– Да просто на ресторан денег нет, а дома собирать, это сколько возни. Вы же помните Валюшу, она готовить не умеет. Даже гренки умудрялась испортить.

– Неудобно без приглашения, – стоял на своем Яворский.

– Это если все трезвые, они скоро за стол сядут, прибухнут, а там и мы прикатим с цветами и подарками. Кстати, я предлагаю скинуться на духи.

– С ними не угадаешь, – засомневался Бараш.

– Да она всю жизнь пользуется «Шанелью № 5».

– А, тогда давайте парфюм.

– Есть другое предложение, – сказал Аркадий. – Вспомните, как Валюша любила перчатки.

– У нее постоянно мерзли руки, – закивал некогда кудрявой головой Илья. – И она с сентября носила перчатки.

За этим долгим разговором они преодолели расстояние от зала прилетов до стоянки авто. Вовчик подвел их к не новой, но прекрасно сохранившейся и отдраенной до блеска машине бизнес-класса.

– Аниматоры хорошо зарабатывают, как я посмотрю, – присвистнул Аркадий. Тачка тянула тысяч на двадцать долларов.

– Если бы, – криво усмехнулся Дорогин. – Машина – подарок армянских родственников. Наследство прадеда потихоньку распродают и деньги на всех делят. До меня очередь в прошлом году дошла. И как раз в салоне у дяди Ашота отличная бэушная тачка оказалась.

Он разблокировал двери и жестом пригласил приятелей в салон. Аркадий сел сзади, Бараш плюхнулся на место рядом с водительским. Пристегнувшись, прикурил. Зажженную сигарету выставил в окно, туда же выпустил первую порцию дыма, после чего выдал:

– Это сколько же прадед твой у советского народа наворовал, что его правнукам хватает?

– Сказали, нашим детям еще кое-что останется.

– То есть до пятого колена обеспечил наследников. Молодец мужик. – Он сделал еще одну торопливую затяжку и, буркнув: «Надо бросать», – швырнул окурочек в окно. – Кофе хочу.

– Я тоже, – тут же оживился Аркадий.

– Потерпите до «Домодедовской», тут нормального не продают. Кстати, там в ТЦ можно и перчатки, и цветы купить.

– Цветы да, но не перчатки.

– Почему? Там есть кожгалантерейные отделы.

– Мы не можем позволить себе преподнести обычную штамповку. Это все равно что из отпуска друзьям магнетики привезти.

– А чего такого? Я именно их и презентую, да еще фунфырики с местным алкоголем.

– И все это покупаешь в дьюти-фри, вспоминая о подарках только в аэропорту?

– И такое бывает. А один раз, было это пять лет назад и я аниматором в Кемерской пятерке работал...

Далее последовала веселая история о полугодовом приключении красивого русского аниматора с долей горячей кавказской крови в Турции. Естественно, речь в основном шла о пьянках и безудержном сексе, мелком воровстве и драках. Аркадий слушал вполуха. Он думал о Валентине. О ее дне рождения он на самом деле забыл. И это было удивительно, потому что Яворский так долго и безрезультатно пытался выкинуть эту женщину из памяти, что уже думал – не выйдет. Но вот сюрприз: у него получилось. И сердце не бухнуло, когда Вовчик впервые ее упомянул в разговоре (когда заметил, что все птенцы Валюши занимаются творчеством). Аркаша переболел Валентиной, женщиной, которая сначала подарила ему крылья, а потом безжалостно их поломала. И понял, что готов встретиться с ней с глазу на глаз...

Вскоре они прибыли к станции метро, возле которой располагался ТЦ, купили кофе, букет и корзину со сладостями и псевдофранцузским шампанским. Затем отправились в магазин, в котором Аркадий вознамерился выбрать перчатки для именинницы. Когда они добрались до него, зашли и окинули взглядом ассортимент, Яворский был несколько разочарован: выбор оказался не очень большим. Товарищей же шокировали цены.

– Я нули правильно посчитал? – склонившись к уху Аркаши, задал вопрос Вовчик.

– Их четыре, – сообщил ему Бараш. Этот не деликатничал, говорил громко, так что слышали и продавцы. – А перед ними еще цифра, а где-то и две.

– Разве могут перчатки стоить сто двадцать тысяч рублей? – вытаращил глаза Дорогин.

– Могут больше, – ответил ему Аркадий. – Это же штучный товар. По одной паре на каждый размер. И материалы какие, посмотри...

– Ты, конечно, извини меня, но на такой подарок я скидываться отказываюсь. Думал, тысячи за три купим, максимум за пять. Я столько не зарабатываю, чтобы на постороннего человека тридцать пять тысяч спустать.

– Я в деньгах не ограничен, – с ленцой проговорил Бараш. – Но лохом быть не люблю. Это чистый развод. Перчатки по цене норковой шубы? Да я вас умоляю...

– Я возьму оплату на себя, – успокоил приятелей Аркадий.

Затем выбрал замшевые перчатки серого цвета, удлиненные, с аккуратной вышивкой серебряной нитью. Их запаковали в коробку и положили в прозрачный пакет, который заполнили искусственными жемчужинами, лавандой и сушеными лепестками ириса. Связали его бархатным бантом.

– Красота, – оценил Вовчик.

– За сто кусков могли бы настоящие жемчужины добавить и живые цветы, – фыркнул Бараш.

Аркадий пропустил его замечание мимо ушей. Он видел, как тот умыкнул одну из коробок. Еще и ленточку прихватил. Потом купит кожгалантерею в обычном магазине, по три-пять тысяч, если не найдет за полторы, запакует в фирменное и преподнесет какой-нибудь даме под видом эксклюзива. А она, если никогда не носила вещей класса люкс, поверит в то, что ее перчатки, кошелек или ремень приобретены в бутике.

Яворский не сразу осознал, что эти мысли его радуют. Как все происходящее в целом. Он ведет себя скромно и благородно (подарок будет вручаться общий – цветы, корзина, коробка), но ощущает свое превосходство. Не над Вовчиком, ему он готов был проиграть по всем фронтам... Над Барашем! Пусть во враги Аркадий его записал по детской горячности, но неприятие, испытываемое к нему когда-то, никуда не делось. Илья Баршев по-прежнему не нравился Аркадию Яворскому...

И точка.

– Ребят, я немного волнуюсь, – признался Вовчик, усевшись на свое водительское место.

– Почему? – любопытствовал Бараш, плюхнувшись рядом.

– Ой, да ладно вам. Все мы были немного в Валушу влюблены.

– Я нет.

– Врешь!

– Я был МНОГО в нее влюблен. И до сих пор считаю, что не встречал женщины красивее.

– Да, она была невероятно хороша собой...

– А сейчас? Ты как давно ее видел?

– Шесть лет назад на свадьбе Ксюши и Кольки. И тогда она затмевала всех.

– Черт, я хочу ее видеть! А ты, Аркаша?

– И я, – ответил тот.

Потом отвернулся к окну и вспомнил день, когда увидел Валушу впервые...

Глава 3

Прошлое...

Мама ввела Аркашу в кабинет, крепко держа за руку. Ее сын уже два с лишним года занимался музыкой, но не только не делал успехов, а и едва справлялся. Педагоги говорили – заберите ребенка из школы, перестаньте его мучить. Но беда в том, что Аркаша сам желал мучиться. Он мечтал стать скрипачом, но не знал – как. Слух у него был идеальным, но пальцы-сосиски неповоротливыми, они не слушались. И лишний вес тут был ни при чем. Встречались среди знаменитых исполнителей тучные люди, чьи «сосиски» порхали над инструментом.

Яворские вошли. Ожидали увидеть директора школы, она вызвала их, но пред ними предстала незнакомка. Она стояла у окна спиной к двери. Длинные темные волосы, собранные в хвост длиной до поясницы. Тонкая фигурка. В руке скрипка, в другой смычок.

Женщина то ли не слышала, что кто-то вошел, то ли подумала, что это директриса, и решила исполнить для нее отрывок из симфонии Шуберта, а быть может, поддалась порыву... За окном было пасмурно, но тихо. Листья росших во дворе тополей, желтые, с зелеными прожилками, едва заметно колыхались. Они походили на стоялую воду. Бабье лето кончилось, осень вступила в свои права, и это чувствовалось. Унылая пора, точнее и не скажешь. Любая грустная мелодия подошла бы под эту картинку. Но женщина выбрала другую: пронзительную, чувственную, хоть и лирическую, плавную. Она играла под тусклым светом пасмурного дня, листы тополей теперь не только покачивались, но и вздрагивали на самых высоких нотах. Впрочем, не только они реагировали на игру: и облака, и воздух – они стали прозрачнее, и даже птицы, расчеркивающие небо, начали двигаться грациозно и синхронно. Аркаша смотрел не только за окно, но и на скрипачку, и она виделась ему нимфой.

Сыграв небольшой пятиминутный отрывок, она опустила скрипку.

Аркадий похлопал бы, да не хотел все испортить. Резкие звуки нарушили бы гармонию. Посыпались бы замершие в воздухе ноты, женщина, наполнившая ими пространство, вздрогнула бы. Она все еще виделась ему нимфой, звуки – каплями росы, что она сняла с травы, подняла и закружила благодаря своей магической силе.

– Как красиво вы играли, – услышал он голос матери. Скрипачка не околдовала ее, но впечатление произвела. – А нам бы директора.

– И мне бы, – ответила скрипачка и развернулась.

Аркадий ахнул. Да не мысленно, а вслух. Таких красивых женщин ему еще видеть не приходилось. Даже по телевизору!

– Ты чего? – удивилась мама и дернула его за руку. Аркадий мотнул головой – ничего. – Конфеткой подавился, что ли? – Мальчик постоянно посасывал карамель. Шоколадные конфеты он больше любил, но они так быстро таяли во рту...

– Как тебя зовут? – спросила у Аркаши нимфа. Тот ответил. – А меня Валентина Григорьевна.

– Вы тут преподаете? – полюбопытствовала мама.

– Собираюсь. Учебный год начался, понимаю, штат укомплектован, но мне очень нужна работа... – она посмотрела на Яворских большими глазами с оттенком осеннего пасмурного дня, сначала на мать, потом на сына. – Как думаете, возьмут?

– Да, – выпалил Аркадий. Как можно не взять... такую нимфу?

– А нас исключать собрались, – пожаловалась мама. – Говорят, чужое место занимаем. А мы так хотим музыкой заниматься...

– Вы? – с улыбкой переспросила Валентина.

– Он, – мама потрепала сына по коротко стриженным жестким волосам. Многих детей именно родители заставляли музыкой заниматься, и Яворские были исключением. – Я как раз

думаю, не место Аркаше тут... – и на сей раз приобняла. – Ему бы на спорт, чтоб вес согнал. Но он ни в какую, хочу, говорит, великим скрипачом стать.

– Если хочет – станет.

– Да какой там, – отмахнулась мама. – Ничего не получается у него.

– Почему? – вопрос был задан не ей, а Аркаше.

Тот пожал плечами. Если б знал, исправился бы.

– Говорит, пальцы не слушаются, – ответила за сына мама.

– Их можно развить, тем более в столь юном возрасте.

– Не получается. А слух идеальный. И ноты читает прекрасно.

Валентина Григорьевна подошла к Аркаше, посмотрела сверху вниз (она не была высокой, но носила каблуки), затем протянула скрипку со смычком и сказала:

– Сыграй.

– Что? – робко спросил он.

– Что пожелаешь.

Аркадий приложил инструмент к плечу, прижал его щекой, занес смычок и заиграл отрывок из оперной арии, который разучивал недавно. Скрипка оказалась большой, что неудивительно, ведь она принадлежала взрослому человеку. Однако Аркадий отметил, что на ней ему удобнее, чем на своей. Но получилось хуже, потому что к той он привык.

– Что скажете? – живо поинтересовалась мама, едва сын закончил.

– Да, пальцы слушаются плохо, но это ерунда. Проблема не в этом. Аркаша не чувствует музыки.

– Как же? У него идеальный слух.

– Я немного о другом. Он точно воспроизводит ноты, не фальшивит, даже когда играет коряво. Но и физикам нужно вдохновение, а музыкант без него не может. Душой нужно играть, не пальцами, они такой же инструмент, как скрипка и смычок.

– Не понимаю...

– А ваш сын, кажется, да. Не так ли, Аркаша?

И он кивнул.

Ему было всего семь. Ребенок. Но Аркадий действительно понимал. Раньше он просто играл по нотам. Теперь будет пропускать мелодию через себя. Исполнять ее до тех пор, пока она не зазвучит внутри его...

– Станете моей музой? – просил у Валентины Аркадий. Но про себя. Вслух слово «муза» заменил на «учительницу».

– Если возьмут на работу, то да, конечно.

Но Валентине отказали. Штат был укомплектован, и ей не было места в коллективе (взяли только на будущий год). Однако это не помешало ей стать его учительницей музыки. Валентина давала частные уроки и взяла Аркашу. За право заниматься с ней мальчик сражался с мамой. Та категорически не желала платить репетитору. Если не получается, значит, не его это – музыка. Да, их семья не бедствует, но сколько можно деньги на ветер бросать? Уже и скрипку менять надо, а тут еще на репетитора тратиться. Но Аркадий заявил, что в любом случае будет ходить к Валентине, даже если ему откажут в финансировании.

– И где ты возьмешь деньги? – насмешливо спросила мама.

– Буду экономить на обедах.

– Тебе не помешает, только этого не хватит.

– Значит, буду воровать.

И так решительно это сказал, что родительница ему поверила и выделила из семейного бюджета деньги на дополнительные занятия сына. Только условие поставила: если до конца года результатов не будет, он их не только прекратит, но еще и в бассейн запишется. Аркадий

согласился. Хотя ненавидел бассейн. Но он был уверен, что с Валентиной он станет тем, кем себя видит: гениальным скрипачом.

* * *

Вовчик за компанию с другом тоже записался в музыкалку. Но по классу гитары. Он не хотел выступать на камерной сцене, его привлекали дворовые компании, а в них тот, кто лабает на семиструнной, всегда в центре внимания. Аркадий занимался уже третий год, а Дорогин всего месяц, но они находились примерно на одном уровне.

К Валентине Вовчик тоже попал за компанию. Увязался за другом. Пока тот занимался, играл с Ксюшей, которой было три с половиной года. Очаровательная девочка в прекрасном возрасте, ему с ней было интересно и легко. Когда мальчики уходили, Вовчик сказал, что может нянчить малышку, когда ее мама будет занята. Валя, воспитывающая ее одна, с радостью согласилась.

Как-то Вовчик из баловства взял скрипку и сыграл «Цыганочку». Получилось здорово! Пусть коряво, но с огнем. Вовке только серьги в ухе не хватало да алой атласной рубашки, чтобы сойти за рома. И «Хава нагила» ему удалась. И «Собачий вальс» получился каким-то особенно задорным. Валентина, которая оценивала музыкантов иначе, чем остальные педагоги, предложила пацану сменить инструмент, поскольку посчитала, что именно скрипка его раскрывает. На следующий год Вовчик так и сделал. И ходил вместе с другом на дополнительные занятия уже за деньги. Аркадий был не против, но считал, что Дорогин просто невероятно артистичен, и успех его выступлений в этом, а не в огромном таланте музыканта.

Он оказался прав. Валя разочаровалась в Вовчике как в скрипаче. Но не как в человеке. И всегда была ему рада. Отказавшись заниматься с ним, женщина принимала его у себя в гостях. Даже если Ксюша находилась в саду. Именно она уговорила Вовчика продолжить занятия музыкой. Он хотел бросить музыкалку, но снова вернулся в класс гитары. Правда, школу он так и не окончил, зато стал центром внимания в дворовых компаниях.

У Валюши (так они ее называли) было несколько подопечных. Но ни с кем Аркадий не познакомился лично, кроме Бараша. Тот занимался по настоянию родителей. Те желали видеть Илью скрипачом, поскольку его прадед играл еще в императорском театре и завещал потомкам свою скрипку, но способности проявились только через три поколения.

Бараш был первым, кто продемонстрировал свое особое отношение к Валюше. Аркадия как раз собрались отправлять на международный конкурс. Первый из ее учеников удостоился этого шанса. Поскольку именно благодаря ей Яворский стал подавать большие надежды, Валя очень радовалась событию. Устроила чаепитие в его честь. На него явился Бараш со своей скрипкой. Она была украшена голубым бантом. Илья вручил ее Вале. Сказал – это подарок, которого достойна именно она. По правде сказать, ее инструмент был так себе. Он не шел в сравнение с тем, что достался Барашу от прадеда. Валюша, естественно, отказалась от него. Но попросила дать скрипку Аркаше. До конкурса оставалось время, и он успел бы к нему привыкнуть. Бараш не только отказался, но еще и обиделся. Все поняли, что он влюблен в Валюшу...

И он понял, что все поняли, и полгода не ходил к ней на занятия. А Аркадий и со своей скрипкой конкурс выиграл.

Глава 3

Она задула две свечи на торте, выполненном в виде скрипки. Его для Валентины заказала дочка Ксюша. Она же воткнула в него две восковые пятерки с фитильками, подожгла их и велела загадать желание...

– Хочу наконец стать бабушкой! – выпалила Валя и дунула на пламя.

– Мама! – возмущенно воскликнула дочь. – Нельзя вслух говорить, а то не сбудется.

– До этого я про себя загадывала, тоже не работало.

– То же самое желание?

Валя утвердительно кивнула и добавила:

– На протяжении двух лет.

– Мам, мне всего двадцать семь, успею еще родить, а ты понянчить, ты ж еще молодая.

– Где там, – отмахнулась Валентина.

Цифра 55 пугала ее. И расстраивала. Поэтому торжества, привычного для юбилея, Валя устраивать не стала. Наврала коллегам и приятельницам, что уезжает к старшему сыну в Ригу, и поздравления принимала по телефону. А чтобы никто не нагрязнул невзначай, передислоцировалась из своей квартиры в дочкину. У нее же вознамерилась и переночевать.

– Ты молодая, – настаивала на своем Ксюша. – А какая красивая! Только посмотри на себя. – И, взяв за руку, подвела к зеркалу.

Валентина устремила взгляд на отражение и тяжело вздохнула. Нет, не такой она хотела себя видеть! Хотя бы сорокадевятiletней. В этом возрасте она была еще о-го-го. Больше сорока ей не давали, а чаще – меньше. Но, перешагнув полувековой рубеж, стала стремительно увядать. Как будто госпожа Старость вспомнила о Валентине и наверстывала упущенное, «одаривая» то новыми морщинами, то сединой, то дряблостью щек. Сейчас, в пятьдесят пять, именинница выглядела на свои года...

– Я неплохо сохранившаяся женщина пенсионного возраста, – проговорила Валентина с плохо скрытым сожалением.

– Его увеличили, – напомнила дочь. – А ты хоть и успела стать пенсионеркой в пятьдесят пять, но выглядишь на десять лет моложе. Ты у меня, мамуля, баба-ягодка.

Валентина решила дочь пожалеть. Та из кожи вон лезет, чтобы подбодрить мать, а она бубнит, как старушенция, портя настроение и себе, и Ксении. А скоро ее муж явится после трудового дня, и они втроем сядут за стол. А Николай грустных лиц не любит, потому что работает аниматором. Или наоборот: работает им, чтобы веселить людей и не видеть унылых физиономий. Таких, какая сейчас у Валентины...

– Ты зачем торт так рано подала? – запоздало удивилась именинница. – Нужно было в конце застолья.

– Боюсь, он не достоин. Смотри, глазурь уже плывет. А мне так хотелось, чтоб ты оценила красоту скрипки.

– Шикарный торт, согласна. Спасибо тебе за него.

– Подарок впереди. Мы его вместе с Колей преподнесем.

– Не нужно было, доча. У меня все есть, а вы в деньгах ограничены... Достаточно торта и цветов, – она кивком указала на букет, стоящий в вазе. Его Вале дочь вручила в первую очередь.

– Мам, у тебя юбилей, а это знаковое событие. Без подарка, который останется на память, не обойтись.

– Давай откроем шампанское? – предложила именинница. Она привезла две бутылки. Еще захватила коньяк для зятя, который пил только крепкие напитки.

– Поддерживаю.

– Я принесу.

– Сиди, я сама.

И убежала в кухню. А Валентина удобно расположилась на диване, приподняв на него ноги. Она была в туфлях на каблуках. Принесла их в качестве сменной обуви. В ее время это было нормой. На праздники женщины всегда брали с собой туфли, и неважно, где проходило торжество, в ресторане, Дворце культуры, школьном актовом зале или на квартире. Сейчас молодежь не заморачивается. Носит универсальную обувь, но чувствует себя комфортно и без нее. А Валентина считала признаком дурного тона ходить босой в гостях, а тапочки не гармонировали с ее нарядами. Особенно сегодняшним!

На имениннице было миди из тяжелого атласа. Юбка-футляр, широкий пояс, объемный верх и стойка, доходящая до подбородка. Цвет – миндаль. Золотые украшения: крупные серьги и кольцо. Телесные колготки. А на ногах лаковые лодочки. Хорошо подобранный образ или, как сказала дочь, крутой лук. У Валентины был отменный вкус, который ей не изменял. Как и она ему. Даже когда не было денег на элементарное, она не покупала штаны у китайцев, а кофты у российских трикотажных фабрик. Носила маленькое черное платье из неснашиваемого джерси и твидовый брючный костюмчик, дополняя их деталями, обычно шарфиками или самолично пошитыми накидками. Готовить не умела. Хозяйкой была дрянной. Но шитье ей давалось. Летом Валентина обожала ситец. Покупала обычный, предназначенный для простыней, и такое чудо из него создавала, что хоть для журнала мод снимай. Причем носила свои объемные сарафаны и юбки до полу с массивной обувью на плоской подошве. Сейчас это тренд, но двадцать пять лет назад кто-то у виска крутил при виде ее.

... Ее называли в честь певицы Толкуновой. И она была похожа на любимую советским народом тетю Валю шикарными темными волосами и ласковыми серо-голубыми глазами. И тоже красавицей уродилась, но другого типажа. Точеные скулы, удлиненный тонкий нос, сочные губы. Распусти косу и прикрой глаза без стервинки солнечными очками – вылитая голливудская звезда. То ли девушка Джеймса Бонда, то ли роковая леди, доводящая до греха главного героя психологического триллера.

Первый раз Валя вышла замуж в двадцать три по настоянию родителей. Они считали, уже пора. Да и жених подвернулся завидный. Взрослый, состоявшийся, кроме того, что привлекательный, образованный и влюбленный в Валентину. И, что самое главное, из музыкальной среды, но не музыкант. Жених работал в Госконцерте, организовывал выступления артистов и в стране Советов, и за рубежом. Звали его Владом. Наполовину поляк, на четверть литовец, на другую – немец. Вале он нравился. И внешне, и как ухаживал. Да и с родителями она была согласна: ей постарше нужен и чтобы твердо на ногах стоял, а то сама Валя была немного наивной, чудаковатой и к жизни плохо приспособленной. Такой из-под родительского крыла только под мужнино.

Расписались. Свадьбу сыграли. На ней многие звезды советской эстрады присутствовали, а некоторые и пели. Надарили только ерунды одной, но это по мнению Влада. Вале все понравилось, особенно альбомы с репродукциями и фарфоровые фигурки...

Мужу она досталась девственницей, и первая брачная ночь таковой и оказалась.

Через полтора года Валя родила супругу сына. Назвали его Эдвардом – не путать с Эдуардом. Молодой отец (хотя по факту уже зрелый – ему исполнилось тридцать семь) был на седьмом небе от счастья. А вот мать впала в послеродовую депрессию и хотела то сбежать на край света от семьи, то умереть. Заботы о сыне легли на плечи Влада. Он проводил с ним все свободное время. А иногда его организовывал, забывая на встречи. Из-за этого он не продвинулся по служебной лестнице и многое упустил, хотя времена наступили переломные, все держали ухо востро. В итоге Влад остался ни с чем, когда Госконцерт развалился. Зато сын безоговорочно любил отца и, когда родители развелись, пожелал остаться с ним.

Валентина не противилась. Она и сама понимала, Влад и Эд созданы друг для друга. А она просто за одним была замужем, а второго родила. Тем более разошлись они из-за нее. Брак по расчету, пусть и не без симпатии к жениху, радости Вале не принес. Вроде и дом полная чаша, и сынок славный, и муж, души в них обоих не чающий, а счастья нет. Даже довольства жизнью. Одной ей лучше было бы.

Она отдала сына в ясли в год. Не могла больше сидеть дома. Валя играла в оркестре, но времена наступили смутные, в филармонию мало кто ходил, и директор «продавал» коллектив нуворишам. Они то на свадьбе играли, и не только Мендельсона, но и «Мурку», то на юбилеях, то на похоронах. Как раз на погребении какого-то то ли банкира, то ли бандита Валентина и познакомилась с Павлом. Он работал в транспортной службе. Являлся ее совладельцем и сам садился за руль, если водитель не мог (они часто забухивали). Это была любовь даже не с первого взгляда... А с прикосновения! Павел подал ей руку, помогая забраться в автобус. Валентина почувствовала приятное покалывание. Ей нравилось, когда ей почесывали спинку ногтями. От этого по телу бежали мурашки. И едва она вложила свою ладонь в мужскую руку, произошло то же самое. Никогда в жизни она так не реагировала на бытовое касание. Валентина подняла глаза и увидела Павла. Нет, даже не так... Глаза: один карий, другой небесно-голубой, а потом уже все остальное. И Валя тут же попала, а вскоре пропала.

Павел тоже был женат, но детей они с супругой не имели. Она лечилась несколько лет, но забеременеть у нее все равно не получалось. Оба переживали. Павел тоже был постарше Вали, но всего на шесть лет.

– Я рожу тебе двойню! – сказала она после первого их секса, который был настолько потрясающим, что до этого равнодушная к нему Валя готова была сразу после душа отправиться в загс, чтобы написать заявление на развод.

– В твоём роду бывали близнецы?

– Нет. Я стану первой. И у нас будут мальчик и девочка.

Павел не воспринял слова Вали всерьёз. Какие общие дети? У них семьи, а у нее сын-кроха. Скрипачка с потрясающей внешностью и запасом нерастраченной сексуальной энергии ему безумно нравилась, пожалуй, он был в нее влюблен, но одно дело роман на стороне, а другое – брак. Второй для каждого!

Но Валя для себя все решила в первую минуту знакомства. Она хочет быть с Пашей, и она добьётся своего.

На это ушло время. Два года. Но Валя заполучила Павла. Они оба развелись и вскоре поженились. Невеста была на четвертом месяце и ждала двойню.

Эдвард остался с ней. Так решил закон. Но когда Валентина родила сына и дочь, старший был ещё мал. Он не мог помогать, сам нуждаясь в заботе. И его забрал отец. На время. Но шли месяцы, год миновал, затем второй... Эдварду пора было отправляться в школу. Влад собрался переезжать в Питер. Просил отпустить сына с ним. Валя спросила у того, чего он хочет. Эдвард выразил желание быть с папой. Валя не возражала. От старшего чада она отвыкла. Она, безусловно, любила его и скучала, когда долго не видела, но всем будет лучше, если Эдвард останется под опекой отца.

А жизнь Вали с Пашей не складывалась. Красавицы скрипачки в качестве любовниц хороши, но жены из них так себе. Бывшая и готовила прекрасно, и дом держала, и супруга обихаживала: не только стирала и гладила, с вечера одежду готовила. Могла, если надо, забить гвоздь, а мусор не копила – сама выкидывала. К тому же не страдала перепадами настроения, депрессиями. Всем была хороша, только детей родить не могла. Когда-то Павлу казалось, что без них никак. Это не семья, когда из мужа и жены состоит. Но стоило ему обзавестись потомством, как он начал с тоской вспоминать беззаботные дни, спокойные вечера в чистом, уютном доме. Он мечтал о сыне и дочери, и вот они есть у него. Но девочка любит только маму, а сын...

Никого! Он исчадие ада, а не ребенок. Болезненный, злой и некрасивый. Когда тот умер, Паша даже не плакал. Хотя старался выдавить из себя слезу...

Они уже не жили вместе, когда мальчик скончался. Разведены не были, но Павел обитал у своей бывшей, а Валя пыталась справляться одна... Не справилась! Потеряла сына, затем мужа – он развелся с ней, и не осталось у Валентины никого, кроме дочки. Да, сын Эдвард имел место быть. Периодически. Навещал иногда, к себе приглашал, и они с Ксюшей пару раз летали к нему в Ригу. А еще на свадьбу в Бельгию. Но Валин сын, как оказалось, не женился, а выходил замуж. Его отец Влад был на седьмом небе от счастья за сына. И ронял слезы умиления всю церемонию. Валентине же хотелось сбежать. Ханжой она не была, но и до европейской толерантности морально не доросла...

– Мамулька, – слышался голос дочери из коридора, – ты не заскукала там без меня?

– Немного.

– Вот она я! – Ксюша показала с подносом в руках. На нем шампанское и фрукты. Да еще пара бутербродов с икрой.

Дочь пошла в мать и готовила, мягко сказать, так себе. Благо современные мужчины спокойнее относятся к супругам-неумехам. И питаются молодые семьи готовой едой. Позволил, заказал, привезли через полчаса, вы поели, коробки или пластик выкинули, и красота. Ни возни, ни грязной посуды. А если есть очень хочется, так что сил нет терпеть, всегда можно сделать бутерброд, залить пюре или макароны кипятком, да и пельмени с варениками никто не отменял, они пусть и дольше готовятся, но все равно не больше пятнадцати минут.

В свой юбилей Валентина расстаралась. Нет, она не бросилась строгать салаты, но купила их в супермаркете. Еще деликатесов взяла: икры, рыбы соленой, буженины. Когда приедет Николай, она закажет доставку суши для девочек и бургеров с картошкой фри для единственного мужчины.

Ксюша открыла бутылку шампанского, хлопнув крышкой, но не пролив ни капли, разлила его по фужерам. Дамы чокнулись и сделали по глотку.

– Вкусное, – заметила Валя. – И не кислое совсем, хоть и брют.

– Да, хорошее, – согласилась с ней дочь. – Мам, а ты правда хочешь внуков?

– Конечно.

– Нет, я о скором времени. О завтрашнем дне... Даже вчерашнем, если верить тебе же. Сама сказала, загадывала внуков последние три года.

– Я к ним давно готова. Из меня получится отличная бабушка. Пирогов и носочков не обещаю, но всю себя отдам.

– Но у Эда подрастает сын, а ты его ни разу не видела.

– Мальчик, которого выносила беженка-нигерийка? Рожденный не в любви, а по коммерческому соглашению? Да еще и не от Эда, а от его мужа? Нет, спасибо, мне такой внук не нужен.

– То есть если у меня не получится родить...

– Ты что, проверялась и тебе поставили диагноз? – всполошилась Валя.

– Нет, я гипотетически рассуждаю. Так вот, если я не смогу зачать и мое чадо будет из пробирки? А то и выношено суррогатной матерью?

– Деточка, где ты со своим Колькой на это деньги возьмешь?

– Надо будет, найдем. И появится на свет чудо-юдо. Из пробирки, рожденное какой-нибудь беженкой-таджиккой. Что, не нужен тебе такой внук?

– Это все равно будет твоя кровиночка, – ласково потрепала дочь по руке Валя.

– А если усыновлю? – не отступала та.

– Любить не обещаю, но помогу, чем смогу.

К счастью, этот разговор был прерван звонком.

– Коля, – сообщила дочь, достав телефон. – Будет через четверть часа.

- Уже? – ахнула Валя. – А у нас стол не накрыт.
- Долго ли разложить нарезку и салаты по тарелкам? Успеем.
- И все же давай поторопимся. Бери бутылку и фужеры, и идем в кухню.

Они передислоцировались. Попивая шампанское, разложили еду по стеклянным, фарфоровым и хрустальным емкостям. Первые детьми были куплены в «Икее» за копейки, вторые подарили им на свадьбу возрастные родственники, третьи достались в наследство от покойной бабушки. Она, как и большинство хозяек того поколения, считала, что торжественное застолье не может обойтись без хрустальной посуды. И накопила ее столько, что после смерти она не только дочери и внучке досталась, соседям раздавали – возьмите Христа ради, не выкидывать же!

Валентина обозрела накрытый стол и осталась недовольна. Скучно! Не спасал даже шикарный, пусть и поплывший, торт. И букет цветов, водруженный в центр. Да, будут еще суши и бургеры с картошкой, но к тому моменту салаты кончатся и нарезки останется всего чуть. Вале стало немного за себя стыдно. Мама ее сейчас в гробу переворачивается! Вот кто умел столы накрывать, так это она. Весь хрусталь был при деле. В каждую посудину она что-то накладывала. Даже в розетки, размером чуть больше тартелетки: острый соус, семечки кунжута, сушеный барбарис. А какие она пекла пироги! Даже постные они получались. У других тесто клеклое, а у нее – нежное, воздушное. Если бы мама Вали не уродилась красавицей и умницей, ей все равно светил удачный брак: путь к мужскому сердцу она в любом случае нашла бы.

Когда стол был накрыт, а бутылка шампанского допита, явился Коля. Ни раньше, ни позже. У зятя вообще очень хорошо получалось оказываться в нужном месте в нужное время. Поэтому он смог захомутать Ксюшу.

Коля не то чтобы не нравился Валентине, она считала – дочь могла найти себе супруга и получше. Не последний шанс, в конце концов, в двадцать три замуж вышла. Он был ничем не примечательным: ни эффектной внешности, ни блестящего ума, ни таланта. Но не глуп, не страшен, не безнадёжен... Матушка Валентины сказала бы: так он парень неплохой, только ссытся и глухой. Она проработала двадцать лет мастером цеха на фабрике «Большевичка» и за крепким словом в карман не лезла. А сама Валя применила бы другие слова, их произносила героиня Мордюковой в старом фильме: «Хороший парень, но не орел». Коля на гуся смахивал, а эти птицы Вале никогда не нравились. Но Коля обладал одним неоспоримым достоинством – он умел преданно любить. В его чувствах к Ксюше она не сомневалась, поэтому сделала вид, что рада браку своей блестящей дочери и ни рыба ни мясо Колюни.

Они выпили за именинницу. Дамы – шампанское, зять коньяк. Поели. Салаты оказались невкусными, чуть кисловатыми. Рыба пересоленной. А торт совсем расквасился. Спасли положение колбаса и икра. Коля провозгласил прекрасный тост, и они с Ксюшей вручили имениннице подарок: мультиварку. Валя внутренне содрогнулась. Зачем ей ЭТО? Но дети взахлеб расписывали ее прелести. Считали, что только ее Валентине не хватало. Сама варит, сама тушит, сама печет. Закинула продукты, поставила таймер, после работы пришла, а у тебя готовое горячее блюдо. И моется отлично.

Валя сделала вид, что довольна. Поблагодарила детей. Но понадеялась, что чек приложен к подарку. Мультиварка Вале была не нужна, и она сдала бы ее. А на полученные деньги, вполне приличные, судя по марке, тысяч восемь-десять кухонный агрегат стоит, она купила бы себе то, что действительно порадует. Например, перчатки. У Валентины постоянно мерзли руки, поэтому она укутывала их. А еще скрывала от посторонних глаз. Красивыми они никогда не были, но в молодости смотрелись нормально. Только чем старше становилась Валентина, тем хуже выглядели ее кисти. И ладно бы просто морщинились, покрывались пятнышками, но у нее был артрит, пусть и не в тяжелой форме, и пальцы скрючивались, а костяшки выступали. С

тем, что болезнь лишила ее возможности виртуозно играть на скрипке, Валя давно смирилась, но она еще и красоту у нее отбирала.

Забирала, как дань. Каждый год...

Валентина извинилась и вышла из-за стола. Пора было заказывать горячее.

Вдруг по квартире разнесся звонок. Ксюша пошла открывать.

Через несколько секунд раздался ее радостный визг и возглас:

– Мальчики, вот это сюрприз!

Сделав сброс вызова, Валентина вышла в прихожую. Что еще за мальчики явились неожиданно-негаданно?

Их было трое. И всех именинница узнала... Ее птенчики, Аркаша, Вовчик и Илья. За годы педагогической деятельности Валентина Григорьевна перевидала многих музыкально одаренных ребят, но только эти оставили след в ее сердце.

– А вот и она! – воскликнул Дорогин, первым заметив Валу. – Именинница собственной персоной!

Его товарищи тут же воззрились на нее.

А Валентина на них...

«Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя!» – вспомнилось ей. Не к месту, ясно. Да и вообще она не любила Ницше, не уважала его, считала переоцененным.

– Валушечка Григорьевна, – пропел Вовчик, – а мы по вашу душу. Имеем желание и возможность поздравить с совершеннолетием! – и кинулся к ней с букетом.

– Спасибо, – только и успела вымолвить Валя, а потом ее заключили в объятия.

Илья Баршев оказался более сдержанным, он вручил имениннице корзину, обернутую пленкой и перевязанную бантом, и поцеловал ей руку.

За ним пришла очередь Аркадия. Он вел себя нарочито отстраненно. Подарил что-то и чуть поклонился. Ни объятий, ни лобзаний. Как будто чужие.

– Мальчики, милости просим, – пригласила гостей к столу Ксюша.

Теперь, когда они втроем его разорили, Вале стало совсем совестно. Что она за женщина такая, что не может раз в пять лет, на юбилей, приготовить угощение. На те деньги, что она на кислые салаты потратила, можно было сделать несколько нормальных своими руками, а если винегрет еще порубить, да «Еврейский» с плавленым сыром и чесночком сварганить, то стол ломился бы. И картошку нужно было самой пожарить с той же курицей, и ленивый пирог испечь – он даже неумехам дается...

– Извините, ребята, мы не ждали гостей, – выдавила из себя Валя, – поэтому угостить вас особо нечем.

– Не жрать же мы пришли, Валечка Григорьевна, – успокоил ее Вовчик. – Хотя от тортика я не откажусь. Пить алкоголь мне нельзя – за рулем, а чая хотелось бы.

– Сейчас организую, – выпалила дочь и унеслась на кухню.

Пока мужчины рассаживались, Валя рассматривала их. Баршев выглядел хуже остальных: старше биологического возраста и, казалось, выпивает. Вовчик все тот же красавчик и по-прежнему магически действует на Ксюшу. Именно он разбил ей сердце, а Коля собирал его по кусочкам. Когда Валя узнала, что парни вместе работают, несказанно удивилась. Потом, подумав, предположила, что зять решил действовать по принципу «держи друзей близко, а врагов еще ближе». Наконец, Аркадий. Этот стал франтом. Шапка блестящих волос, подтянутая фигура, идеальный маникюр, брендовые вещи, скрипка Гварнери. Даже представить страшно, сколько она стоит. И все же, несмотря на все внешние изменения, Аркаша остался прежним: ранимым, стеснительным, чуть неловким. Возможно, таковым он становился только в Валином присутствии. Даже скорее всего. В своей гениальности он давно перестал сомневаться, и уверенность в избранности защищала его как доспехи. Но только не сейчас...

Аркадий не знал, как усесться. Он то откидывался на спинку, то вытягивался. Руки его за что-то да хватались: скатерть, ворот рубашки, челку, красиво спадавшую на лоб.

– Откройте коробку, – сказал он, не подняв на Валентину взгляда. – Мы долго выбирали, надеемся, угадали с размером. Если нет, сможете обменять в течение двух недель.

Валя принялась доставать подарок из мешка, затем коробки. Пока она делала это, вернулась Ксюша. При помощи мужа расставила фужеры, убрала грязные тарелки. Склонившись над ухом матери, шепнула:

– Я заказала три пиццы. Ее все любят, и она сытная.

Валя поблагодарила дочь, затем достала презент и ахнула:

– Какая прелесть!

– Главное, чтобы подошли.

Валя натянула перчатку на руку. Села как влитая.

– Это чудесный подарок, ребята, спасибо огромное, – чуть не прослезилась Валя. Дочь с зятем мультиварку ненужную вручили, а, можно сказать, посторонние вот такую красоту! Да, Валя понимала, что та стоит дорого. Но за восемь-десять тысяч, потраченных на кухонный агрегат, тоже можно было бы подобрать какой-то кожгалантерейный аксессуар.

Валентина натянула и вторую перчатку и кинулась к зеркалу. В них ее корявые руки выглядели прекрасно. Да и не только они. Шикарная вещь благотворно повлияла на весь образ. Впервые за долгое время Валя себе понравилась.

Тем временем зять разлил шампанское дамам и Аркаше, себе и Барашу коньяк. Кто-то из ребят включил телевизор. Показывали новости спорта. На экране маячило лицо некрасивого, если не сказать – уродливого борца. Возможно, он был не так уж и страшен от природы, но татуировки, покрывающие щеки, лоб и даже нос, превращали его в монстра.

– Аллигатор – мужик! – воскликнул Вовчик. – Порвал Каримова в лоскуты на России, потом Ламберта на Европе, на Евразии вырубил Мохаммеда на третьей минуте.

– Кто он? – поинтересовался Аркаша.

– Новый герой России.

– Зачем же так пафосно? – поморщился Бараш. – Просто очередной чемпион по смешанным единоборствам от нашей страны. Новая звезда. Ни разу не проиграл еще.

– Пугает всех только одним своим видом? – предположила Ксюша, поставив перед Вовчиком чай. – Он же страшен как смертный грех.

– Вот помяните мое слово, едва к пендосам переедет, станет звездой.

– А что, собирается? – живо поинтересовался Вовчик.

– Следующий бой в Лас-Вегасе с Бизоном Маклаудом.

– Мощный соперник. – И тут же спохватился: – Не о том говорим, друзья мои! Сегодня день рождения у потрясающей женщины! Давайте посвятим ей все свое внимание...

Они выпили. Валя чувствовала легкое опьянение, оно помогло ей справиться с собой. Эти трое мальчиков были когда-то в нее влюблены, а теперь она предстала перед ними не в том виде, в каком они привыкли ее видеть. Нет, старухой она не стала, конечно, но сдала...

– Вы совсем не изменились, – услышала она голос Аркадия.

– Скажешь тоже.

– Надеюсь, чувствуете себя так же прекрасно, как выглядите.

– На здоровье не жалуюсь. А ты? Похудел что-то...

– Старался.

Они вынуждены были замолчать, потому что в дверь позвонили.

– Доставка? – спросила у дочери Валя. Как будто та могла видеть через дверь.

– Наверное, – ответила она. – Хотя рано, прошло всего ничего.

– Готовую разогревают, наверное.

– Даже если так, но довести за четверть часа – это надо постараться...

Мать и дочь вместе пошли открывать. Точнее, открывала Ксюша, а Валя стояла за ее спиной. Ее день рождения, поэтому ей расплачиваться с курьером.

Когда дверь открылась, обе женщины замерли с вытянутыми лицами.

– Здравсте, – поприветствовал их визитер. – Мне нужна Валентина Григорьевна Катаева. Тишина...

– Она тут находится в данный момент? Я имею сведения, что да.

– А зачем она вам? – кашлянув, спросила Ксюша.

– Имею к ней личный разговор. Так вы мне ответите?

Но вместо этого Ксюша задала свой вопрос:

– Вы Аллигатор?

Мужчина закатил глаза, затем кивнул. У него была большая... очень большая голова. Размером с туловище хорошо развитого трехмесячного ребенка. Только у малышей нет татуировок на теле, а на лице Аллигатора их было много. Там и чешуя, и ноздри на кончике носа, и клыки на подбородке.

– А мы только что вас по телику видели...

Мужчина подался вперед и сурово проговорил:

– Позовите госпожу Катаеву, барышни.

– Это я, – не стала тянуть кота за хвост Валя.

– Вы? – он смерил ее взглядом. Глаза у Аллигатора оказались не зелеными или желтыми, к чему обязывало прозвище, а голубыми. И не водянистыми, а яркими. – Нет, вряд ли...

Валя развела руками. Что, ей паспорт показывать?

– Она должна быть другой! – он обращался к Ксюше. – Старше, выше, крепче... И лицо... Нет, не такое оно у Валентины Катаевой. Более хищное. Позовите ее. Зачем обманывать?

Валентина развернулась, намереваясь уйти. Хорошо, что в квартире есть мужчины. Четверо в любом случае должны справиться с одним, пусть и бойцом ММА. На пороге квартиры явно стоит тронувшийся умом человек. Но что еще ждать от того, кому регулярно прилетает в «башню»?

– Это она, – услышала Валя голос Ксюши. – А я ее дочь. Вы по какому вопросу?

Было очень странно видеть, как огромный мужчина с татуировками на лице, монстр, а если корректно, то известный боец без правил, машина, отшатывается от двух хрупких женщин. И прикрывает глаза. А на веках тоже тату...

– Нет, это не вы, – замотал своей большой головой Аллигатор.

– Закрой дверь, Ксюша, – скомандовала Валя. – А если этот субъект будет ломиться, вызови полицию.

– Стойте, – крикнул он. – Вы, вы... Валентина?

Та замерла. Не понимая, что происходит, она почувствовала – важное. Если не сказать, судьбоносное.

– Я это уже говорила. А как зовут вас? Не Аллигатором же?

– Андрюша. Вам это имя о чем-то говорит?

– Оно вполне распространенное.

– А в сочетании с Ксюшей?

Мать и дочь переглянулись.

... Ксюша и Андрюша. Так Валя назвала своих детей-близнецов.

А они называли себя Сюсей и Анюсей.

– Я твой сын, Валентина Григорьевна Катаева.

– Он умер, – с ужасом прошептала Ксюша.

Аллигатор покачал головой:

– Я жив.

Глава 4

Прошрое...

Они были такими разными...

Ее дети.

И не скажешь, что близнецы. Да, двухъяйцевые, а они обычно не идентичные, но хоть какое-то сходство должно быть? Однако Андрюша и Ксюша не имели ни одной общей черты – ни во внешности, ни в характере. Она – чистый ангелок. Хорошенькая, ладная, ясноглазая, щечки розовые, губками чмок-чмок, плачет тихо и только тогда, когда есть хочет. Андрюша же большеголовый, широченные ноздри, рот до ушей, пальцы рук и ног огромные, чуть что – орет, сморщивается и становится похож на какую-то рептилию.

Дети и ели по-разному: Ксюша, будто щадя соски матери, обволакивала их своими пухлыми губками, а если увлекалась и делала больно, смотрела просительно, будто извиняясь. Андрюша же кусался так, что оставались раны.

Позже, когда Валя отлучила детей от груди, они питались каждый по-своему. Ксюша ела почти все, а Андрюша избранное. И поди пойми, что он хочет в данную минуту. Еще вчера уплетал яблочное пюре, сегодня плюется им. Зато бумажная салфетка – это лакомство. Ты только отвернулась, он ее запихал в рот, чуть не задохнулся, разорался, обкакался, отмутузил кулаком мать по лицу, пока она его мыла, и не уснул, хоть и вымотался, а продолжил кричать. Когда близнецам было по семь месяцев, их пришлось разделить по разным кроваткам и коляскам. Андрюша не давал сестре житья. Однажды он до крови укусил ее за щеку во время прогулки. А Ксюша так тянулась к нему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.